

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Институт социального образования
Факультет международных отношений и социально-гуманитарных коммуникаций
Кафедра рекламы и связей с общественностью

Англо-американские отношения в конце XX начале XXI вв.

ОП ВО «41.03.05 – Международные отношения»

Выпускная квалификационная работа

Выпускная квалификационная работа
допущена к защите
Зав. кафедрой рекламы и связей с
общественностью

Исполнитель:
Невьянцева Александра Вячеславовна,
студент 407 группы
очного отделения

дата

подпись

дата

А.В. Коротун,
канд. пед. наук, доцент

Руководитель ОПОП:

А.В. Коротун,
канд. пед. наук, доцент

Научный руководитель:
Попп Иван Александрович,
кандидат исторических наук, доцент
кафедры рекламы и связей
с общественностью

дата

подпись

Оглавление

	с.
Введение.....	3
1 Глава. Роль и место США и Великобритании в современной системе международных отношений.....	7
1.1 Современная система международных отношений: характеристика, модель, виды.....	7
1.2 Великобритания в современной системе международных отношений.	19
1.3 США в современной системе международных отношений.....	31
2. Глава. Сотрудничество Великобритании и США XX-XXI вв.....	50
2.1. Англо-американское сотрудничество: цивилизационный аспект.	50
2.2 Взаимодействие США и Великобритании в однополярной модели МО. ...	67
2.3. Англосаксонское сотрудничество в 2016-2025 гг.: ситуационный анализ. 74	
Заключение.	80
Список используемых источников и литературы.	83
Приложение	87

Введение

Дипломатические отношения между Соединённым Королевством и Соединёнными Штатами Америки. По определению У. Черчилля — «особые отношения». Данное высказывание показывает, что между США и Великобританией сложилось тесное взаимодействие в разных сферах. Соединённые Штаты Америки и Великобритания, будучи партнерами во внешнеполитических действиях на протяжении значительной части XX века, в современный период по-прежнему поддерживают друг друга в дипломатических и военных акциях. Великобритания считается сильнейшим с военной точки зрения союзником Америки (последние годы военные расходы Великобритании составляют примерно одну десятую часть военных расходов США). При этом следует учитывать, что со времён Второй мировой войны США остаются мировым лидером (сверхдержавой), а Великобритании приходится "быть средней державой"

Объектом исследования являются взаимодействие ведущих стран Запада в рамках единого культурно-исторического и политико-экономического развития

Предметом исследования являются Англо-американские отношения конца XX начала XXI веков.

Хронологическими рамками начальная грань 1991 год конечная грань 2015 год. Нижняя граница исследования связана с трансформацией сложившейся Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений и оформлением новой концепции в анализе международных отношений, которая была предложена С. Хантингтоном в 1993 г. (концепция столкновения цивилизаций). Конечная грань обусловлена с произошедшими событиями на мировой арене в XXI веке.

Территориальные рамки ограничены административными границами США и Великобритании. Великобритания граничит со Швецией, Норвегией,

Данией, Германией, Францией. Территория омывается Атлантическим океаном, Северным и Ирландским морями. США граничит на юге с Мексикой, на севере с Канадой, так же имеют морскую границу с Россией. Территория омывается Атлантическим океаном, Мексиканским заливом, Северным Ледовитым океаном.

Степень научной разработанности темы. Многие исследовали (Лебедева М.М., Самуэль Хандингтон, Джозеф Нае) рассматривая данную тему уделяют внимание роли Великобритании и США в послевоенные годы на мировой арене. Однако, несмотря на "беспрецедентные" сближения курсов обеих стран, как, например, в эпоху "Рейгана - Тэтчер", проблема британского контроля над американским ЯО в Британии периодически появляется в средствах массовой информации.

Окончание "холодной войны" и, как следствие, значительное снижение ядерной угрозы заставило руководство двух стран обратиться к своим ядерным арсеналам с точки зрения их "упорядочивания" для "экономии средств". Попытки британских консерваторов в начале 90-х годов, направленные на сокращение ядерных вооружений, были развиты их преемниками-лейбористами, которые в опубликованном в 1998 году "Обзоре стратегической обороны" предложили план уменьшения ядерных арсеналов, и в частности сокращения боевых головных частей "с 300 до менее чем 200". Тогда же был поставлен вопрос об определении дальнейшего пути развития национальных ядерных сил.

Источниковая база исследования широка и разнообразна. В работе были использованы: выдержки из официальных документов и соглашений между Великобританией и США (декларация об «освобожденной Европе») для анализа современной ситуации и построения сценариев, характеризующих Взаимоотношения этих стран в 2016 – 2020 гг.

Однако анализ существующей литературы и источников выявили недостаточную изученность темы.

Целью данного исследования является анализ взаимоотношений Англии и США в современной системе международных отношений а так же произвести анализ их будущего взаимодействия.

Методы и методология. В процессе исследования использовались специально-научные методы: общенаучные теоретические методы, включающие в себя причинно-следственный анализ, метод классификации, обобщение, сопоставительный анализ, метод отбора и оценки научного материала; эмпирические методы исследования – историко-генетический анализ, ситуационный анализ, описание, прогнозирование, ретроспективный и сравнительно-исторический методы.

Задачами данного исследования:

- Изучение современной системы международных отношений.
- Изучить Великобританию в современной системе международных отношений.
- Рассмотреть США в современной системе международных отношений.
- Проанализировать Англо-американское сотрудничество: цивилизационный аспект.
- Изучить взаимодействие США и Великобритании в однополярной системе международных отношений.
- Проанализировать Англосаксонское сотрудничество в 2016-2026 годах.

Поставленные задачи определили структуру дипломной работы. Она состоит из введения, двух глав, включающих в общей сложности шесть параграфов и построенных по проблемно-хронологическому принципу, заключения и приложений.

В первой главе рассматривается роль и место США и Великобритании на в современной системе международных отношений.

Во второй главе рассматривается сотрудничество и взаимодействие США и Великобритании а так же ситуационный анализ до 2025 года.

В данной работе я применяла такие методы исследования как теоретические, статистические, индуктивные, сравнительный.

1 Глава. Роль и место США и Великобритании в современной системе международных отношений

1.1 Современная система международных отношений: характеристика, модель, виды

Современная система международных отношений начинается с Ялтинско-Потсдамской система международных отношений — принятое в геополитике обозначение системы международных отношений, закреплённой договорами и соглашениями Ялтинской и Потсдамской конференции. Данная система международных отношений просуществовала всю вторую половину XX века. Конференцию в Ялте можно считать началом формирования новой системы международных отношений. 4–11 февраля «Большая тройка» Сталин, Рузвельт, Черчилль, попытались прийти к соглашению о судьбе мира и в первую очередь Европы.

Фактически было две основных проблемы: выбрать политический режим для освобождённых стран и провести их границы. Ялтинская декларация об «освобождённой Европе» была очень ясной, во всяком случае в отношении первого: освобождённые страны должны были сами выбирать правительства путем свободных выборов. Помимо этого, на конференции решалась судьба послевоенной Германии.

Такими образом, вот что мы имеем. Система международных отношений, сложенная за февраль-август из двух конференций: Ялтинской (Крымской) и Потсдамской, начала свою работу. У данной системы международных отношений выделились некоторые особенности, а именно:

1. В мире сложились два центра, две сверхдержавы: США и СССР. Заметно ослабли позиции Франции и Англии. Их к статусу великих держав причисляли теперь лишь из традиций. Зато позиции Китая укрепились на международной арене. Однако до завершения гражданской войны, его считали

великой державой лишь номинально. Такие перемены на международной арене свидетельствовали о крахе европоцентризма. Международная система стала общемировой и глобальной.

2. Появление такой организации, как ООН. Один из центральных элементов Ялтинско-Потсдамской системы, становилась главным механизмом координации усилий с целью исключения из международной жизни войн и конфликтов путем гармонизации отношений между государствами и создания глобальной системы коллективной безопасности. Послевоенные реалии, непримиримость конфронтационных отношений между СССР и США значительно ограничили возможность ООН реализовать свои уставные функции и цели. Главное задание ООН преимущественно сосредоточивалось на предупреждении вооруженного столкновения между СССР и США как на глобальном, так и региональном уровнях, то есть на поддержании стабильности советско-американских отношений в качестве основной предпосылки международной безопасности и мира в послевоенное время. Это говорило лишь о том, что, несмотря на возложенные на эту организацию обязанности, ООН не редко подводила и не могла сдерживать многие конфликты, которые разжигались в мире на региональном уровне (Вторая «Лига Наций»).

3. Послевоенная судьба Германии и Японии. Германия потеряла больше территорий, чем имела в 1937 году. Несмотря на договоренность не делить Германию, два противоборствующих лагеря пошли на это, ввергнув эту страну в 40 лет трагедии целого народа. Лишь только в 1990 году удалось объединить эту страну вновь. Однако странам антигитлеровской коалиции удалось искоренить нацистскую пропаганду.

4. Послевоенная биполярность имела форму политико-идеологического противостояния, идеологической конфронтации между «свободным миром» стран западной демократии во главе с США и «социалистическим миром» во главе с СССР. США хотели установления в мире американской гегемонии под

лозунгом «Pax Americana», СССР — утверждал о неотвратимости победы социализма в мировом масштабе. Идеологическая конфронтация, «борьба идей», приводила к взаимной демонизации противоположной стороны и оставалась важной чертой послевоенной системы МО. Советско-американское противостояние выглядело в первую очередь как соперничество системы политических и этических идеалов, социальных и моральных принципов.

5. Ялтинско-потсдамский порядок не имел крепкой договорно-правовой базы. Договоренности, которые легли в основу послевоенного порядка, были или устными, официально не зафиксированными, или были закреплены преимущественно в декларативной форме, или же их полноценная реализация была заблокирована в результате остроты противоречий и конфронтацией между основными субъектами послевоенных международных отношений. Система проработала практически всю вторую половину XX века, обеспечивая в мире некоторый баланс, но в конце концов, как и любой механизм, у которого истек срок годности, Ялтинско-Потсдамская система прекратила свою работу. Процесс развала Ялтинско-Потсдамской системы начался с окончанием «холодной войны». Политика М. С. Горбачева, связанная с «перестройкой», «гласностью» и «новомышлением», была направлена на уступки капиталистическим странам, притом уступки были в одностороннем порядке [Романова Е.В., с. 328]. Именно поэтому по сей день США считают, что победа в «холодной войне» одержали они. Несмотря на проигрыш в «холодной войне» Советского Союза, ее окончание означало конец конфронтации, гонки вооружений, вмешательства во внутренние дела Восточноевропейских государств, а отсюда следует, что закончилось противостояние двух лагерей — капиталистического и социалистического, в связи с развалом последнего лагеря.

Конец биполярности, порожденной Ялтинско-Потсдамской системы. Но, решающей стадией стал развал СССР, а именно Беловежское соглашение 8 декабря 1991 года, поменявшее положение в мире. Вместе с Советским

Союзом канула в лету и Ялтинско-Потсдамская система международных отношений. Возможно ли было сохранить данную систему международных отношений? Если представить себе, что не было Беловежского соглашения и Советский Союз не развалился в 1991 году, то все равно Ялтинско-Потсдамская система не смогла бы функционировать долго, ведь она создавалась при других условиях, когда Советский Союз был в «ежовых рукавицах» Сталина и представлял угрозу для капиталистического мира. Дело в том, что концепция «Ялта-Потсдам» функционировала всю вторую половину XX века, исправляла недостатки прежнего мира и прежней системы, стирала пережитки прошлого, но, в конце концов, данная система сама породила новые трудности и создавала недостатки. В итоге, к концу XX века система устарела и не могла более соответствовать требованиям современного мира. Именно поэтому Ялтинско-Потсдамская система международных отношений не могла сохраниться, так как она уже не соответствует современности. Мир перестал быть биполярным, мы живем в век глобализации и интеграции, и для поддержания нового мира нужна новая система, сформированная из опыта прошлых лет, но при этом адаптированная под нашу современность.

Развал СССР и, следовательно, крах Ялтинско-Потсдамской системы послужили началом формирования новейшей системы международных отношений. В силу ключевых факторов, устанавливающих ее развитие, стоит определить тенденции: глобализация мира, с которой ученые связывают такие аспекты нового миропорядка, как нарастающее неравенство между бедными и богатыми, повышение роли силы, повышения уровня глобальной нестабильности, усиление борьбы за ресурсы планеты, осложнение структуры системы международных отношений.

Имеется множество разных точек зрения основой глобализации. В каких-то работах акценты указывают на ее экономических аспектах, во вторых – на создании единого информационного пространства, в третьих – на

расширении общих стандартов. Крайние относятся, прежде всего, к созданию производства, быта, социальной жизни и т.д.

Имеются и скептические оценки процессов, имеющих название «глобализации». Таким образом, М.Весес берет за основу то что глобализация – чем то новым вовсе не является. На самом же деле процессы, взявшие данное наименование, взаимодействуют только с осложнением мира, которое было всегда. Все же, по его мнению, глобализация влечет очень сильное внимание, потому, что люди с ее помощью стараются показать наличие новых угроз или напротив, предвещают преуспевание человечества. Отечественный исследователь А.Уткин придерживается похожих позиций, он пишет, что глобализация является политически востребованной концепцией [Бартенев В.И., год, с. 448].

Восприятие глобализации меняется в силу теоретических позиций авторов. Существование большого количества изменений реалисты понимают и признают в настоящем мире, принимают глобализацию больше как становление эволюционного развития мира, а не как огромный скачок в его изменении. В нынешних процессах неомарксисты понимают последнюю стадию развития капитализма, порождающий все большую поляризацию мира по экономическому параметру, а как следствие – и политическую нестабильность. Большинство исследователей, следующих неолиберальной традиции, глобализация – это совершенно новый этап становления политической структуры мира, собственно как и человеческой цивилизации.

Французский исследователь Б. Бади выделяет три измерения глобализации:

- постоянно идущий исторический процесс;
- гомогенизация и универсализация мира;
- «размывание» национальных границ.

Если брать первое из указанных измерений, можно заметить, что в истории развития человечества на самом деле наблюдается тенденция все

большого увеличения пространства, на котором имеется занимательное соотношение: от отдельных деревень, городов, княжеств к государствам, регионам и, наконец, через эпоху Великих географических открытий к миру в целом.

Тем не менее процесс глобализации сложный и неоднозначный. В историческом развитии он шел нелинейно и вовсе не предполагал присоединения новых периферийных территорий к некоему неизменному центру [Медяков А. С., 2007, с. 463].

Значительно более спорным является второе измерение процесса глобализации, которое выделяет Бади. В рамках этого подхода строились различные предположения относительно создания «глобальной деревни» - универсальной общности всех живущих на Земле людей или всемирного правительства, которое регулировало бы весь комплекс взаимоотношений между странами и народами. Эти образы, идеи и гипотезы широко используются в журналистике и популярной литературе, отражая представление о том, что все люди на Земле объединены единой судьбой, и это стало возможным благодаря распространению универсальных культурных образцов, развитию технологий – в первую очередь транспортных, информационных и коммуникационных, мировой торговли и финансовой систем, объединяющих всех людей во взаимосвязанное и взаимозависимое общество.

Наконец, последний из названных Б. Бади аспектов глобализации – «размывание» государственных границ, пожалуй, в наибольшей степени ее отражает. Это проявляется в интенсификации и увеличении объемов и взаимодействия за пределами государственных границ. Как следствие, один из наиболее важных результатов – формирование мирового рынка товаров и услуг, финансовой системы, мировой сети коммуникации.

Прозрачность межгосударственных границ сделала мир взаимозависимым. Именно по этой причине некоторые ученые связывают

глобализацию со взаимозависимостью, когда, по определению Дж. Ная, участники или события в различных системы воздействуют друг на друга. Отечественный исследователь К.С. Гаджиев считает, что происходит «расширение и углубление социальных связей и институтов в пространстве и времени таким образом, что, с одной стороны, на повседневную деятельность людей все более растущее влияние оказывают события, происходящие в других частях земного шара, а с другой стороны, действия местных общин могут иметь важные глобальные последствия».

Прозрачность, или транспарентность, межгосударственных границ, вызванная глобализацией, «перевернула» прежние представления о безопасности; конфликтах, их урегулировании; дипломатии и других базовых проблемах классических исследований по международным отношениям. Но главное, везде она стерла существовавшие ранее жесткие барьеры между внешней и внутренней политикой. Так, в области безопасности непосредственная угроза одного или группы государств в отношении другого или других стала уходить на второй план, уступая проблемам терроризма, сепаратизма, национализма и т.п. То же можно сказать и о конфликтах, которые из межгосударственных превратились во внутригосударственные. Новые конфликты требуют иных подходов к их анализу и урегулированию [Горохов В.Н., 2004, с. 288].

Глобализация затрагивает все сферы жизни. Г.Фридман отмечает, что глобальная международная система в целом формирует как внутреннюю политику, так и международные отношения, охватывая рынки, национальные государства, технологии в тех масштабах, которых не было никогда ранее.

Тем не менее глобализация – довольно противоречивый процесс, имеющий множество различных последствий. В феномене современной глобализации наряду с позитивными моментами обнаруживается целый ряд отрицательных. Бывший генеральный секретарь ООН Кофи Аннан обращает внимание на то, что «выгоды глобализации очевидны: более быстрый

экономический рост, более высокий уровень жизни, новые возможности. Однако уже сейчас началась отрицательная реакция, поскольку эти выгоды распределяются крайне неравномерно».

Два параметра: неравномерность глобализации и ее плохая управляемость – вызывают наибольшее беспокойство. Первый в значительной степени связан с происходящими в мире объективными процессами и определенным этапом мирового социально-экономического развития. Второй параметр определяется во многом субъективными факторами. От того, насколько человечество сможет взять под свой контроль глобализационные процессы, зависит его будущее развитие.

Глобализация проявляет себя далеко не во всех странах и регионах одинаково и не по всем аспектам сразу. В одних странах и на одних территориях глобализация охватывает, к примеру, экономическую сферу, в других более быстрыми темпами идет внедрение новых технологий. В связи с географической неравномерностью процессов глобализации шведский исследователь О.Е. Андерссон предложил идею «ворот глобализации». Суть заключается в том, что различные регионы и города в различной степени готовы и стремятся войти в процесс глобализации.

Многие страны в силу тех или иных причин (например, политической изоляции или самоизоляции, технологических и экономических возможностей и т.п.), оказываются на периферии глобальных процессов. Более того, в результате крайне высоких темпов современной глобализации, обусловленных прежде всего технологическими возможностями, разрыв между странами и отдельными регионами, оказавшимися в авангарде современной глобализации, и остальными с каждым годом становится все ощутимее. Происходит расслоение населения земного шара на тех, кто пользуется плодами цивилизации, и тех, кому они недоступны. Как следствие, наблюдается формирование нового типа поляризации в современном мире. С одной стороны, образуются новые центры, где сосредотачиваются

интеллектуальные силы, развиваются новые «интеллектуальные отрасли», к которым «притягивается» и финансовый капитал. С другой – складываются криминализованные области с низкими уровнями образования и жизни, которые оказываются вне процессов современной коммуникации и глобализации в целом.

С территориальной точки зрения, эти разные «миры» имеют довольно причудливые переплетения. В общемировом масштабе формируется развитый «Север» и развивающийся «Юг». Однако внутри относительно развитого «Севера» образуются свои мегаполисы. Но одновременно возникают и «островки» изгоев, формируемые в основном из иммигрантов, которые приезжают сюда в поисках работы. В свою очередь развитые страны пытаются обезопасить себя, ставя барьеры на пути притока населения из стран «третьего мира». В связи с этим французский автор О. Дольфюс пишет, что глобализация – это не только открытие границ, но и закрытие их ради того, чтобы «вся нищета мира» не перелилась в страны, которые считают себя более богатыми или привилегированными».

Поляризация как внутри отдельных стран, так и по линии «Север – Юг» постоянно усиливается. В США, по данным отечественного исследователя В.Г. Хороса, пятая часть семей концентрирует 80% национального богатства. Но особенно поляризация видна в развивающихся государствах. Например, доходы 10% наиболее богатых семей в Нигерии в 80 раз превышают доходы 10% наиболее бедных. В результате такие страны сталкиваются с нестабильностью, развитием внутренних конфликтов, плохой управляемостью и дальнейшим отставанием от стран развитого «Севера» [Манькина А.С., 2010, с. 628].

Не менее удручающей выглядит картина разрыва в уровне жизни между развитыми странами «Севера» и бедными государствами «Юга». Причем он постоянно растет, особенно за последние годы, в связи с развитием и внедрением новых технологий, что привело к так называемому

технологическому разрыву. Не случайно на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2000 года Б. Клинтон обратил внимание на то, что страны, которые воспользуются плодами Интернета, успешно войдут в 21 век. Те же, которые проигнорируют это достижение, к сожалению, развиваться дальше не смогут. В последние годы проблема технологического разрыва привлекает большое внимание как отдельных стран, так и организаций. На глобальном уровне ею интенсивно начинает заниматься ООН.

Неравномерность развития глобализации по географическому параметру приводит к усилению позиций ее противников (антиглобалистов). Наблюдаются попытки оградить себя от издержек глобализационных процессов путем поиска специфика своего региона, своей идентичности. В результате происходит нарастание региональных или локальных аспектов, что получило название «регионализации» или «локализации» современного мира. Одни вторы определяют это как тенденцию, действующую практически наравне с глобализацией; другие склонны считать, что локализация или регионализация мира тоже проявление глобализации, но в том смысле, что тенденция к нарастанию разнородности, как отмечает отечественный исследователь М. Чешков, «не ведет автоматически к распаду целого».

Расслоение происходит и по такому параметру, как области экономики. Одни из них легко адаптируются к новым условиям, воспринимают технические инновации. К таким относятся прежде всего банковское дело, которое практически полностью компьютеризировано. В то же время ряд отраслей промышленности, в силу различных причин, не готовы или не могут в полном объеме использовать новые технологии и поэтому остаются традиционно ориентированными. Соответственно, занятые в этих отраслях люди, не будучи связанными с компьютерами, Интернетом и другими инновациями в профессиональной деятельности, в целом оказываются менее приспособленными к их использованию и в повседневной жизни.

Другая группа проблем связана с управляемостью процессами глобализации. Вследствие прозрачности границ государственным структурам все труднее контролировать политические, экономические, социальные и другие процессы. Управляемость процессами оказывается особенно сложной, если принять во внимание, что глобализация вынесла на политическую авансцену не только многих действующих лиц, но и такие, например, организации, как террористические. У них появилась возможность использовать результаты глобализации в своих корпоративных интересах. Особенно остро это ощущается в информационной сфере, где возникает опасность информационного терроризма. Говоря об управляемости, следует иметь в виду и тот факт, что передача информации с огромной скоростью и ее тиражирование ставят проблему возможного «умножения» ошибок, последствия которых порой сложно прогнозировать.

Наконец, проблема управления и контроля тоже имеет обратную сторону. Современные средства информации и связи позволяют не только преступным группам, но и властям довольно легко вторгаться в частную жизнь граждан путем отслеживания их передвижений, платежей через мобильные телефоны, пластиковые карты, электронную почту и другие средства связи.

В целом же проблема управления процессами глобализации в более широком плане формулируется как регулирование современных международных отношений и мировых политических процессов. Здесь возникает, с одной стороны, вопрос о координации деятельности различных акторов, с другой – о создании действенных наднациональных институтов и механизмов управления.

Международные отношения, как взаимосвязь мировых субъектов, обычно делятся еще на виды и типы. Наиболее распространенными видами международных отношений являются:

- политические отношения. Они проводятся как взаимодействие внешней политики государств. Благодаря им обеспечивается безопасность участников международных отношений, образуются организационно-правовые рамки развития всех остальных видов международных связей. Политические отношения являются, прежде всего, межгосударственными отношениями, поэтому они занимают центральное, ведущее место во всей системе международных отношений;

- экономические международные отношения являются следствием исторически объективной интернационализации производственных процессов, международного разделения труда, формирования международного рынка и осуществляющейся научно-технической революции;

- военно-стратегические отношения обычно складываются в виде отношений кооперативного характера, тогда создаются блоки, альянсы, заключаются различные пакты. Этот вид международных отношений доминирует над другими в том случае, когда государства отводят фактору военной силы в достижении своих национальных интересов решающее значение. В центре национальных интересов может быть расширение своего влияния, оборона, безопасность или просто международный престиж;

- культурные отношения являются результатом исторического развития мировой цивилизации, включающей материальные и духовные ценности человечества. Каждый народ в своем развитии вносит свою определенную лепту в культуру, а культурные международные отношения обеспечивают условия, чтобы созданная культурная новация стала всеобщим достоянием.

После развала Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений в современном мире начался процесс глобализации. Глобализация мира привела к тому, что началось нарастание между бедными и богатыми, повышение роли силы, повышения уровня глобальной нестабильности, усиление борьбы за ресурсы планеты а так же осложнение структуры системы

международных отношений. Из всего этого можно сделать вывод, что процессы происходящие в мире с конца XX по начало XXI века весьма противоречивы ведь они несут как положительные факторы так и отрицательные.

1.2 Великобритания в современной системе международных отношений

С 1991 года современная система международных отношений переживает период своей глубочайшей трансформации. Стоит отметить, что одним из процессов, проявляющихся и подающих определенные импульсы мировому сообществу, в последнее время является процесс смены традиционных полюсов мировой политики. Современная динамика международных отношений связана с нежеланием одних потерять свое место на “политическом олимпе” и желанием других любыми способами и средствами закрепить свое положение и завоевать и развить успех в роли крупного игрока на международной арене. Одним из столпов мировой политики на протяжении последних двухсот лет является Великобритания. Ее внешнеполитическая стратегия складывается из двух составляющих — преемственности, которая прослеживается на протяжении длительных периодов времени, и изменчивости, постоянной адаптации к условиям новой исторической эпохи. В первом случае отмечаются такие фундаментальные черты дипломатической стратегии британского Форин-оффиса, как профессионализм дипломатической службы, глобальный характер интересов страны, ее особая роль в системе международных отношений, принцип постоянных интересов и временных союзников, а также принцип «разделяй и властвуй». Обратная сторона внешнеполитической стратегии — проявление гибкости, постоянное тактическое лавирование, умение приспосабливаться к изменению геометрии международных отношений. Во второй половине XX в.

особо яркими примерами этих качеств, стали концепция «особых отношений» с США и лозунг «ударить сильнее своих возможностей».

После окончания Второй мировой войны лейбористское правительство во главе с К. Эттли кардинально пересмотрело внешнеполитическую доктрину страны. Руководитель внешнеполитического ведомства Э. Бевин поначалу выдвинул идею «третьей силы», то есть создания под предводительством Британии блока западноевропейских стран и их колоний, который мог бы на равных выступать с США и советским блоком.

Проблема состояла в том, что стремление выдавать желаемое за действительное не могло служить твердой почвой для внешней политики, хотя и помогло консолидировать позиции консерваторов внутри страны. Намного более серьезным аргументом в деле восстановления позиций Британии в мире были ее отношения с США. Благодаря личной дружбе «железной леди» с Р. Рейганом «особые отношения» между странами пережили новый расцвет, хотя по-прежнему были наполнены больше символами, чем реальным содержанием. Вместе с тем усиление неприязни и подозрительности Тэтчер к европейской интеграции в целом и в частности к Франции и Германии не только стоили ей кресла премьера и привели консерваторов к расколу, но и вычеркнули Британию в 1990-е годы из списка европейских лидеров. Исправить сложившееся положение оказалось не под силу ни Дж. Мейджеру, ни Т. Блэру.

После окончания «холодной войны» Британия не сразу приступила к модернизации своей внешнеполитической и оборонной доктрины, так как слишком сильна была дезориентация, вызванная геополитическим землетрясением в виде распада Советского Союза. В 1993 г. перед вооруженными силами были поставлены задачи, в которых с трудом угадывалась новизна подходов: обеспечить безопасность страны и зависимых территорий, защитить Англию и ее союзников в случае крупномасштабной угрозы извне с помощью НАТО и укрепить безопасность при помощи участия

в операциях под флагом ведущих международных организаций и в первую очередь ООН и ОБСЕ. Действительно новым, было запланированное сокращение расходов на оборону с одновременным усилением «гибкости» и мобильности вооруженных сил.

После победы лейбористов на выборах 1997 г. эволюция взглядов правительства в области обороны и безопасности получила ускорение. В своей программной речи «Принципы современной британской внешней политики» Блэр подтвердил роль Британии как «моста между Европой и США». В частности он заявил, что глобальные интересы Британии и дальше будут реализовываться с помощью таких рычагов, как место постоянного члена Совета Безопасности ООН, участие в НАТО, «восьмерке», ЕС, Содружестве наций. Правительство подчеркивало важность коалиционного характера решения внешних задач с опорой как на постоянные, так и на тактические коалиции. Была определена роль Британии как «осевой державы», «региональной державы с глобальной ответственностью», которая, за неимением возможности доминировать в мире, творчески осуществляет второй классический принцип — «ударить сильнее своих возможностей». Появились и другие новации. Предусматривалось, что Британия опять вернется «в сердце Европы» и займет там лидирующее положение. Кроме того, была разработана программа «оборонной дипломатии», приоритетом которой, в отличие от «дипломатии канонеров», являлись дипломатические, а не военные средства решений конфликтов.

Однако в данной программе имелось стратегическое противоречие. Лондон претендовал не только на «особые отношения» с США, но и на ведущую роль в ЕС. Британский политический истеблишмент чувствовал необходимость укрепления своих позиций на континенте, по мере упрочения Евросоюза, в качестве мирового центра силы, но в то же время не желал расставаться с репутацией ближайшего союзника Соединенных Штатов.

Данные тенденции отчетливо проявились в Стратегической оборонной программе, принятой лейбористами в 1998 г. В ней определялись новые вызовы безопасности страны: распространение оружия массового уничтожения, наркоторговля, терроризм, распад слабых государств и пр. Вооруженные силы должны были быть подготовленными не только к гуманитарным и миротворческим миссиям, но и к участию в конфликтах высокой интенсивности за пределами государства. Тем самым закладывалось еще одно противоречие стратегического характера. Во-первых, повышался риск перенапряжения военных сил и финансов в условиях диверсификации поставленных перед армией задач. Не так давно, в конце 1960-х годов, Британия освободилась от колониальной ноши и вывела войска «к востоку от Суэца», будучи не в состоянии нести расходы на широкое военное присутствие за рубежом. Теперь ситуация могла повториться. Во-вторых, неясными оставались последствия таких намерений с точки зрения международного права.

Приход лейбористов к власти сопровождался и другим нововведением — «этичной внешней политикой». Ставший главой Форин-офиса Р. Кук, в своей программной речи заявил: «Национальные интересы не должны быть втиснуты в узкие рамки “реалполитик”». Позднее, в выступлениях Кука и Блэра британская внешнеполитическая доктрина была также соединена с концепцией «третьего пути». На сферу внешней политики была вынесена тема прав и обязанностей, которая громко звучала у лейбористов при проведении социально-экономических реформ. В частности, стало считаться, что если Британия является одним из ведущих экспортеров оружия, то она должна нести ответственность за то, в чьи руки оно попадает.

Однако этичная тема во внешней политике страны не продержалась и года. Несмотря на конфликты в Восточном Тиморе и Курдистане, сопровождавшиеся массовыми нарушениями прав человека, Британия все же продолжала поставлять военную технику и Турции, и Индонезии, а также

Колумбии и Саудовской Аравии. Британский бронетранспортер «Альвис» был использован руководством Индонезии, во главе с президентом Хабиби, при разгоне антиправительственных демонстраций. В Восточном Тиморе, в аналогичных ситуациях применялись британские БТР «Сарацин» и «Саладин». Следует отметить, что в 1997 г. Британия вышла на третье место в мире по экспорту обычных вооружений.

В сентябре 1999 г., когда в Джакарте происходили массовые столкновения с силами правопорядка, повлекшие человеческие жертвы, Британия продала Индонезии истребители «Хоук». Дело осложнялось еще и тем, что за неделю до отправки самолетов в Индонезию ООН наложила эмбарго на поставки военной техники в эту страну. На что Британское правительство заявило в свою защиту, что контракты, которые были подписаны еще при консерваторах, не подпадают под действие эмбарго. Кук, со своей стороны, утверждал, что правительство не поставляет в Индонезию оружие, которое может быть использовано для подавления демократии. Но факт остается фактом: на конец 1999 г. лишь около 3% заявок Индонезии на продажу оружия были отклонены британским руководством.

«Этичная внешняя политика» не выдержала свое испытание и в другом регионе. В 1997 г. в западно-африканском государстве Сьерра-Леоне произошел военный переворот, в результате которого был свергнут законно избранный президент Кабба. Британия выступила в его поддержку, но против применения военной силы во внутривнутриполитическом урегулировании. Лондон сыграл главную роль в принятии резолюции ООН, введившей эмбарго на поставку оружия всем сторонам конфликта. Однако, как выяснилось позже, британская компания «Сэндлайн» продолжала поставлять вооружения для Кабба и несколько британских правительственных чиновников среднего звена знали об этом. И только благодаря тому, что помощь «Сэндлайн» привела к восстановлению в правах законных властей Сьерра-Леоне, скандал был замят, но репутация «этичной внешней политики» пострадала.

Столкнувшись со сложностями в стыковке этики и национальных интересов правительство все реже стало обращаться к данной теме. Попытка вернуться к ней была предпринята в связи с косовским кризисом. Кук и Блэр неоднократно подчеркивали, что сила против Белграда применялась для защиты человеческих идеалов. Однако понимание «этичного» изменилось. Лейбористы уже не претендовали на принципиальное отличие своей внешней политики от внешней политики других западных стран. Ценности, на которых она основывалась, стали подразумевать ценности «западной цивилизации». Противоречивость характера и последствий войны против Югославии, более поздние эпизоды, связанные с решением отказаться от экстрадиции бывшего чилийского диктатора А. Пиночета в Испанию, сомнительность мотивов британского руководства и его действий в иракском кризисе окончательно похоронили проект «этичной внешней политики». События вокруг Ирака 2002–2003 гг. с новой силой выявили трудности Лондона по налаживанию «особых отношений» с США со стремлением вернуть себе лидирующие позиции в Европе.

«Будущее британской политики зависит от сделанного выбора, в пользу Европы или США», — так звучит популярный среди британских политологов тезис, число сторонников которого только увеличилось после войны в Ираке 2003 г. Действительно, уже полвека, после начала заката Британской империи, перед страной стоит проблема выбора формата своей политики в области обороны, безопасности и внешних дел. «Особые отношения» с США долгое время компенсировали неминуемое ослабление международного веса Великобритании после окончания Второй мировой войны, а жесткий корсет, в который была заключена система мирового баланса сил в годы «холодной войны», делал вполне естественным положение Западной Европы в качестве их протектората. Однако на сегодня «особые отношения» представляются многим аналитикам доктриной, не только исчерпавшей свой потенциал, но и наносящей вред интересам Соединенного Королевства, а уход в прошлое

биполярного мира открыл для объединяющейся Европы возможность превращения в самостоятельный центр силы в мире. В данных условиях для Лондона стало практически невозможным продолжать ритуально приписывать себе роль беспристрастного медиатора между Европой и США, тем более, если в ситуациях разногласия по принципиальным вопросам внешней и оборонной политики он без сомнений отдает предпочтение Вашингтону.

То, что давно стало очевидно для многих, сегодня отказывается признавать лишь малая часть экспертного сообщества Британии. В этом также упорствуют ключевые фигуры политического и военного истеблишмента. События в Ираке послужили для многих «последней каплей». По мнению Р. Брэйтуэйта, бывшего посла Великобритании в Москве, а затем председателя объединенного комитета британской разведки, война в Ираке наглядно продемонстрировала, что «особые отношения» превратились в балласт, наносящий урон интересам Британии в Европе и исламском мире. Действительно, британская дипломатия, традиционно признаваемая одной из самых искусных в мире, успехи которой основаны на принципе «постоянных интересов и временных союзов», демонстрирует в последнее время, явный догматизм. Репутация внешней политики Британии основанная на способности к гибкости, балансе интересов, на практике, после прихода к власти в 1997 г. лейбористского правительства, оказалась подчинена одной единственной цели — следованию в фарватере внешней политики США. Трактовка «особых отношений» никогда не была так прямолинейна. Если в сфере торговли, защиты своих экономических интересов Лондон готов безапелляционно их отстаивать, в том числе и с помощью механизмов ЕС, то в вопросах внешней политики и обороны он с завидным постоянством отказывается от своего суверенитета.

В проблеме Ирака Лондон в очередной раз выбрал сторону Соединенных Штатов, несмотря на то, что их политика привела к самому

глубокому кризису в истории евроатлантического сообщества, подорвала авторитет ООН, расколола ЕС и НАТО. В одно мгновение многолетние старания Блэра по восстановлению позиций своей страны в роли полноценного европейского партнера пошли прахом. Более того, премьер-министр не посчитался с соображениями внутривнутриполитической целесообразности. Своими действиями он значительно ухудшил электоральные перспективы собственной партии, был близок к потере своего поста, спровоцировал небывалые демонстрации протеста в Лондоне, раскол парламентской фракции лейбористов и отставку министра иностранных дел.

Критики «особых отношений» указывают на то, что даже в эпоху сверхдержав они почти всегда были «улицей с односторонним движением», то есть служили больше американским, чем британским интересам. В этом тандеме именно Госдепартамент руководствовался тем, чем так на словах гордился Форин-офис, — отстаиванием национальных интересов. Белый дом никогда не помогал Даунинг-стрит только потому, что это нужно было последнему. После Второй мировой войны США без предупреждения прекратили программу ленд-лиза, поставив тем самым истощенную войной Великобританию в чрезвычайно трудное положение, отказались от продолжения сотрудничества с ней в области разработки ядерного оружия, способствовали распаду Британской империи, изначально отказались поддерживать ее в дни Фолклендской войны, долгие годы действовали вопреки Лондону по проблеме североирландского урегулирования. Таких примеров масса.

«Особые отношения» сохраняют свою привлекательность и для политического руководства Великобритании. Пользуясь желанием американцев обращаться к своим младшим союзникам за содействием в достижении своих целей, британские премьеры чаще, чем позволил бы международный вес возглавляемой ими страны в отдельности, принимали участие в ключевых внешнеполитических раутах. Именно благодаря роли

ближайшего союзника США Блэр в течение нескольких лет оказывался в самой гуще важнейших событий на мировой арене. Однако по мере роста амбиций Соединенных Штатов, особенно после трагедии 11 сентября 2001 г., и их пренебрежения помощью союзников ему приходилось платить все более высокую цену за роль лидера мирового масштаба.

К моменту вторжения американцев в Ирак Блэр практически превратился во внешнеполитического представителя Вашингтона, которому не оставалось ничего другого, как идти с ними до конца. Его попытки предотвратить войну были удачными ровно столько времени, сколько понадобилось Соединенным Штатам для доставки и развертывания необходимого количества вооружений и живой силы на границах с Ираком. К марту 2003 г. Блэр, сыгравший роль дымовой завесы для американских военных приготовлений, стал уже не нужен. Маргинальная роль Великобритании во внешнеполитических расчетах Белого дома была ясно продемонстрирована Д. Рамсфельдом, который к ужасу британского руководства заявил, отставив в сторону политическую корректность, что США могут справиться с задачей военного захвата Ирака и без помощи своего союзника.

В результате событий 2002–2003 гг. ради сохранения «особых отношений» с США политика Великобритании привела к ослаблению тех важнейших международных структур, на которых основывался ее высокий внешнеполитический статус. Так, действия Вашингтона по уменьшению значения Объединенных Наций ударили не только по всей организации в целом, но и по позициям пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН с правом вето, одним из которых является Великобритания.

Соединенные Штаты фактически отказались от согласования своих действий с союзниками по НАТО, а после 11 сентября 2001 г. дали понять, что вообще не нуждаются в их военном содействии. Роль альянса начала неуклонно снижаться, в первую очередь с точки зрения западноевропейских

коллег Лондона, и как результат, его роль в согласовании интересов Парижа, Берлина и других ведущих европейских столиц с Вашингтоном также падает.

По мере того как последствия «холодной войны» — остатки искусственной близости Европы в лице ЕС и европейских членов НАТО и Америки — уходят в прошлое, и обе стороны, являясь стратегическими партнерами, все чаще действуют без оглядки друг на друга, Великобритании все сложнее реализовать себя в качестве государства-посредника, так как эти услуги становятся не нужны. Все чаще приходится выбирать ту или иную сторону в ситуации, когда третьего не дано. По логике евроскептиков, выступающих против дальнейшей эрозии суверенитета Британии, ей следует сопротивляться не только дальнейшему втягиванию в процессы европейской интеграции, но и догматической приверженности концепции «особых отношений», не менее разрушительных для самостоятельности страны. Если же признать, что в условиях глобализации понятие суверенитета неизбежно разрушается, и сопротивление этому, тем более страны, традиционно выступающей за открытость вовне, противоречит здравому смыслу, логичнее присоединиться к «пулу суверенитетов» континентальной Европы, которую от Британии отделяет не океан, а узкий пролив.

Лишь радикальные британские евроатлантисты выступают за то, чтобы «складывать яйца в одну корзину» и во внешней политике делать ставку на США, как на единственную сверхдержаву на ближайшие десятилетия. Как не ассоциировался бы Пакс Американа с дорогими сердцу многих англичан воспоминаниями о Пакс Британника, большая часть политического класса страны, не говоря уже о населении, понимает, что это тупиковый проект, противодействие которому, уже достаточно серьезное, возрастет многократно в случае попыток его дальнейшей реализации. «Установление американского мирового господства, — считает британский политолог и экономист Р. Скидельски, — завершилось бы неудачей, несмотря на отсутствие явных ресурсов для противодействия этому. Главная причина состоит в перспективе

взрыва антиамериканизма». В то же время в Великобритании скептически смотрят на идею «многополярного мира», в котором Европе отводилась бы роль противовеса Америки. Несмотря на нынешнее господство в США неоконсервативной идеологии, которая идет в разрез с традициями европейского социального рынка, в том числе с традициями «государства благосостояния», а во внешней политике — с традициями коллективных действий с опорой на международные многосторонние институты, оба региона принадлежат к одной западной цивилизации и руководствуются одной базовой системой ценностей. Британия связана с США густой сетью исторических и культурных связей. Противоречия, которые существуют между Лондоном, Парижем и Берлином, не позволят им в ближайшем будущем действовать как одно целое. Кроме того, ЕС, который уже длительное время вполне активно отстаивает в спорах с США, доходящих до «торговых войн», свои экономические интересы, имеет лишь зарождающиеся военные структуры. Без полноценного развития таких структур тяжеловесом в мировых делах стать невозможно.

Несмотря на все разговоры о том, что после окончания «холодной войны» на первый план вышел фактор «мягкой силы» (экономического, финансового, культурного, информационного влияния), справедливость которого не вызывает сомнения, фактор «жесткого», силового давления остался — он стал менее заметен, но более изощрен. «Мягкое давление» наиболее эффективно тогда, когда подкреплено конкретным военным потенциалом, всегда готовым для применения. Примеры Югославии, Афганистана, Ирака не оставляют сомнения в том, что обращение к силе, в том числе и со стороны демократий, будет в XXI веке не менее модным, чем в веке XX. С этой точки зрения объединенная Европа не сможет, даже если очень захочет, бросить вызов США в обозримом будущем.

Таким образом, ни Пакс Американа, ни многополярность не отвечают представлениям большинства британцев о желательном сценарии мирового

развития. Они с одинаковой готовностью критикуют Блэра за сервильность по отношению к Вашингтону, а Брюссель — за бюрократичность, демократический дефицит и федералистские поползновения. Великобритания по-прежнему не готова стать рядовой европейской державой, однако ясно и то, что «особые отношения», по крайней мере, в их настоящем гипертрофированном виде, вряд ли смогут пережить премьерство Блэра. Видимо, в следующие несколько лет мы станем свидетелями того, как отношения Британии с США станут прагматичнее, зато на европейском направлении руководство страны приложит усилия по восстановлению своих позиций.

Для того чтобы компенсировать дистанцирование с Вашингтоном, Лондону необходимо будет набрать вес в Европе. Не исключено, что британское руководство все же найдет в себе силы определить приоритет в пользу присоединения к еврозоне. Лидерские качества Британии проявятся также, если она перейдет к сотрудничеству в ядерной сфере с Францией, которая в отличие от англичан строит свои собственные баллистические ракеты. Обладая наиболее эффективной и мобильной армией в Европе, Британия также при желании может стать лидером в развитии военной составляющей Евросоюза.

Опасность проведения более независимой внешней и оборонной политики, политики в области безопасности с точки зрения поддержания союзнических отношений с США сильно преувеличена частью британского политического и военного истеблишмента. Всем запомнился отказ Турции пропустить по своей территории американские войска для вторжения в Ирак, однако уже через месяц К. Пауэлл посетил Стамбул для улаживания разногласий. «Опасность упасть между атлантическим и европейским “стульями” остается, — писал П. Мэнголд, специалист по вопросам внешней политики Великобритании. — Однако Британия обладает уникальным опытом общения по обе стороны Атлантики.

Выводом данного параграфа может служить то, что Великобритания достигает своих целей там, где другие страны равного калибра терпят неудачу, «ударить сильнее своих возможностей» — вот принцип, который с успехом реализует Англия. Лондону удалось свести к минимуму негативные последствия распада Британской империи, с наименьшими потерями отступить с прежних позиций в системе международных отношений. Британия сохранила высокий международный статус, опираясь не только на реальные рычаги влияния в мире, но и на атрибуты великой державы. Британия уверена, что несмотря на потерю статуса империи, она продолжает оставаться «осевой державой». Она продемонстрировала искусство игры такими козырями, как «особые отношения» с США, место постоянного члена в Совете Безопасности ООН, ядерный потенциал, различные формы «мягкого» давления и влияния на бывших подконтрольных территориях.

1.3 США в современной системе международных отношений

После развала Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, США стали единственной сверхдержавой, имеющей силы диктовать главные тенденции мирового развития и приводить в исполнение политику в глобальном масштабе.

Война в Ираке сыграла роковую роль в современном положении США на мировой арене. Она была, по сути, проиграна Соединенными Штатами в тот момент, когда казалось, что наконец-то достигнута мечта «отцов-основателей» США стать «номером один» среди государств планеты. Соединенные Штаты остались единственной сверхдержавой, после того как лавина внутреннего кризиса «похоронила» Советский Союз и сложились настоящие предпосылки завершения строительства мироустройства по американским образцам. Случившаяся именно в данный момент неудачная война в Ираке, несмотря на первоначальный успех, породила сильные

сомнения у самих американцев, их союзников и противников в том, что мир по-американски может получиться.

США достигли верха в своем развитии и в развитии созданной ими системы международных отношений, есть мнение, что все страны переходят к какой-то иной парадигме становления. Линейные процессы (рост населения, развитие экономики, ухудшение окружающей среды) связаны в ней со скачкообразными (прорывами в технологии, научными и культурными открытиями, миграцией активной части населения, изменениями в образцах потребления). Появляются новые угрозы: стремительное увеличение потребления сырьевых и энергетических ресурсов, стремительное потепление, распространение оружия массового поражения, нестабильность финансовой системы.

Если соглашаться с такой оценкой, то можно говорить о существовании серьезнейших угроз для нынешней мировой системы. Такая ситуация не может не ставить вопрос о лидерстве.

Претензии США на мировое лидерство имеют под собой достаточно большое основание. Как ни относиться к США – дружелюбно, враждебно или нейтрально, нельзя не признать, что в существовании сегодняшнего мира Соединенные Штаты сыграли роль, схожую с той, что играла Италия и Франция в эпоху Просвещения Возрождения, или Великобритания в эпоху индустриализации, – стали творцом нынешней жизни и форм ее организации. Соединенные Штаты первыми сформулировали современные общечеловеческие ценности в своем государственном устройстве, пришли к невиданным успехам в развитии технологии и уровня жизни населения, разработали совместно с другими нациями принципы ООН, оказали колоссальную материальную помощь другим в период второй мировой войны и после («ленд-лиз», «план Маршалла», «помощь развитию» и др.).

Трудно представить нынешний мир без провозглашенной в Декларации независимости концепции права каждого человека на свободу и поиски

счастья. До сих пор в странах разных цивилизаций и уровней развития эти ценности получают настоящий отклик среди тех, кто энергичен, смел, трудолюбив, кто хочет подлинного счастья, а не подчинения монарху, вождю, партии или идеологии. Эти два простых слова – «свобода» и «счастье» – и есть заслуга Американской революции. Еще более весомая заслуга американцев в том, что они не оставили эти понятия лишь для себя, для внутреннего пользования, а сделали их универсальными.

Не останавливаясь на провозглашении ценностей свободы и счастья, американские «отцы-основатели» разработали и нужное государственное устройство, позволяющее сочетать принципы свободы и необходимости, – либерально-демократическую модель управления обществом и государством. До сих пор американская модель подвергается критике со стороны противников. Тем не менее, именно эта модель, главным образом через поощрение свободного развития личности, позволила Соединенным Штатам развить сильнейший экономический и технический потенциал, который привел США к лидерам мировой экономики и политики и, несмотря на иногда возникающие трудности, позволили остаться одной из основ современного мироустройства.

Способность США сочетать модель свободного предпринимательства и необходимость решения общенациональных проблем не может не вызывать уважения. В других странах и сегодня можно встретить утверждения, оправдывающие массовые репрессии необходимостью осуществления ускоренной индустриализации. Американская модель демонстрирует прямо противоположное: американцы одни из первых провели ускоренную индустриализацию и пришли к решению таких базовых общенациональных проблем, как жилищная, продовольственная, транспортная, коммуникационная, а также проблем здравоохранения и базового образования. Умение мобилизовать необходимые для модернизации общества и государства ресурсы обороны, науки, технологии и внешней политики без

посягательства на частные интересы граждан – одно из выдающихся достижений американского государства и общества.

Одним из главных итогов американского управленческого опыта стала теория и практика решения проблем, которая со временем вытеснила все другие подходы, основанные на амбициозности правительства или доктринерстве. Именно теория и практика решения проблем диктует американским законодателям и бюрократам правильные пути совмещения государственного планирования с участием частного предпринимательства в решении первоочередных задач общества и государства. Принцип двустороннего решения проблем показал и американский подход к мирному сосуществованию с идеологически враждебными государствами – коммунистическим Китаем или СССР (до 1991 г.), когда различия в ценностных ориентациях не помешали урегулированию хорошему сотрудничеству с Китаем в сфере экономики и с СССР в сфере обеспечения международной безопасности.

Наконец, американский подход заметен и в организации системы международных отношений на принципах права и справедливости. Соединенные Штаты активно продвигали идею ООН в годы второй мировой войны, а впоследствии ее окончания защищали ООН от превращения в поле для идеологических баталий. ООН стала системообразующим органом всей глобальной системы взаимоотношений между государствами, разумно совмещающими уважение к суверенитету отдельного государства с требованием следования взятых на себя обязательств при вступлении в члены ООН. Созданная ООН система взаимоотношений дала принять в качестве принципов международного обихода и общих целей глобального развития неотъемлемые права человека, базовые человеческие нужды, предотвращение насилия, сохранение окружающей среды, совершенствование науки и культуры.

Одним словом, Соединенные Штаты оказали большое воздействие на формирование нынешнего мира. Процесс этого воздействия проходил с колебаниями и отступлениями США от ими же провозглашенных принципов в связи с усилением роли идеологии в политическом курсе, состоянием их экономики, а также уровнем понимания правящими кругами сложившейся в мире ситуации. Иногда идеология антикоммунизма или неоконсерватизма, основанная на убежденности в превосходстве США, оказывала прямое воздействие на принятие внешнеполитических решений (например, о начале войны во Вьетнаме или в Ираке), и от этого страдали и сами США, и вся система международных отношений. Однако политическая система Соединенных Штатов всегда искала эффективные сдерживающие средства, которые позволяли своевременно исправить ситуацию за счет необходимых перемен.

Одним из итогов активного соперничества сверхдержав в годы холодной войны стало появление двух противоборствующих миров: «мира капитала» и «мира социализма». Был еще и «третий мир», но он представлял собой либо резерв для пополнения первых двух «миров», либо арену соперничества между ними, хотя периодически и этот «мир» выдвигал идеи планетарного масштаба, например отказ от насилия или неприсоединение к военным блокам. Но все же главную роль в мировом развитии играли первые два «мира». Один из них, созданный под эгидой США и по их лекалам, объединил развитые государства Евро-Атлантического (НАТО) и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), а также государства Западного полушария (Организация американских государств, ОАГ). Второй «мир» – социалистические страны Центральной и Восточной Европы, а также (в разное время и в разных формах) ряд государств Восточной Азии (КНР до 1960-х гг., КНДР, Вьетнам).

Структура оказалась достаточно хорошей и расположенной к развитию, хотя периодически и ту и другую сторону сотрясали внутренние кризисы. Эти

события четко показали, что национальный фактор оставался весьма большим даже в тот период интеграции двух противостоящих мировых подсистем. Но в таком случае ни одна из тенденций – ни тяга к национальному самоопределению, ни модернизация через интеграцию – не могла стать доминирующей. Обе каким-то образом сосуществовали и мирились друг с другом.

Распад Советского Союза и всей советской империи на последнем этапе завершения холодной войны привел к весьма плачевным результатам для всей мировой системы. Во-первых, она перестала быть гетерогенной, расколотой на враждующие группировки. Сохранилось деление на богатых и бедных, на модернизирующихся и традиционных, на «север» и «юг». Но эти проявления неравномерного развития стран, традиционно порождающие конфликты между ними, в принципе, поддаются изменению с помощью удачно подобранной стратегии развития и совсем не обязательно ведут к военным столкновениям.

Во-вторых, сложились новые составляющие мировой системы и их иерархия: наверху оказалась группа развитых стран во главе с США, которая разрешает задачи развития и интеграции; появилась группа стран переходного типа, решающих проблемы бедности и отсталости за счет интенсификации внутреннего развития, а не захватнических войн (Россия, Китай, Бразилия, Индия, Южная Африка); определилась группа стран «традиционалистского» типа, продвигающие свое видение мирового развития и его целей (страны ислама) и довольно большая группа «несостоявшихся» стран, в последствии ставшая источником терроризма, незаконной эмиграции, производства и перевозки наркотиков, массовых эпидемий.

В-третьих, новая мировая система имеет элементы стабильного баланса, который, с одной стороны, обеспечивает состояние взаимного сдерживания более вооруженных государств и их группировок, а с другой – сдерживает

милитаризацию тех звеньев мировой системы, где предпосылки для насилия все еще велики, – «традиционалистских» и «несостоявшихся» государств.

В-четвертых, в новой международной системе стали доминировать соображения развития и достижения благосостояния через осуществление экономических и политических реформ, подсказанные опытом развитых стран. Это увеличило число сторонников западной модели до нескольких миллиардов человек (с учетом населения Китая, Индии, России и Бразилии) и в то же время дало начало международному соперничеству нетрадиционного типа за привлечение зарубежных средств и проникновение в международные организации и режимы развитых стран («восьмерку», ВТО, ОЭСР, Совет Безопасности ООН). Это явление породило и новое размежевание среди стран переходного типа на те, которые уже приняты в интеграционные механизмы (в НАТО и ЕС для стран Центральной и Восточной Европы, в АТЭС для стран Юго-Восточной Азии), и те, которые пока остались за их границами.

Одним из главных следствий этих процессов для положения США на мировой арене стало более сильное размежевание между странами, уже являющимися американскими союзниками и партнерами или способными в ближайшем будущем ими стать, и всеми остальными – как странами переходного типа, так и «традиционалистскими» или «несостоявшимися». Сфера американского доминирования при этом увеличилась за счет наиболее развитых стран бывшего социалистического содружества, а также за счет быстрой эволюции в сторону западной модели развития восточноазиатских «тигров» – Южной Кореи, Тайваня, Филиппин, Индонезии, Таиланда, Малайзии и Сингапура.

Стратегические задачи США в группе стран-союзников достаточно очевидны: во-первых, сохранить эти страны в обозримом будущем в качестве «младших партнеров»; во-вторых, снизить поддержку этих стран путем создания и усиления их собственных интеграционных механизмов (ЕС и АТЭС); в-третьих, использовать потенциал стран этой группы для решения

некоторых относительно частных задач в других регионах мира (например, НАТО – в Афганистане или ЕС – на Ближнем Востоке).

Но, в целом, это территория американской «монополярности», где США играли и будут играть роль единственного «полюса». Когда в научных и публицистических кругах любой страны заводят речь об «однополярном» или «многополярном» мире. Для более четкого осознания проблемы однополярности/многополярности необходимо помнить, что для данной и весьма заметной части мирового сообщества (так называемого «золотого миллиарда») однополярность является безоговорочной и сохранится, скорее всего, на долгое время. Эта группа стран с высоким доходом населения производит более половины мирового ВВП (а по некоторым подсчетам, около 60%), обладает одной из самых передовых военных и гражданской технологий, колоссальной военной мощью, огромными производственными и финансовыми ресурсами.

Известный американский журналист индийского происхождения Фарид Закариа, обозреватель журнала «Ньюсуик», опубликовал в 2008 г. книгу под названием «Пост-американский мир: США и остальные». В ней идет речь как раз о центральном пункте внешней политики Дж. Буша-младшего, вызывающем всеобщую критику. Нужно ли было вмешиваться в ситуацию в Ираке, если Ирак и его проблемы – часть другой повестки дня, не имеющей отношения к американскому миру? Ведь суть проблемы в том, что США терпят поражение не в Европе или Азиатско-Тихоокеанском регионе, и тем более не в Западном полушарии, а в Ираке, где, во-первых, решаются жизни противостояния целых цивилизаций, в данном случае христианской и мусульманской. Во-вторых, в Ираке действует конъюнктура мирового нефтяного рынка: если американцы сумеют добиться, чтобы иракская нефть – а это 40% мировых запасов – ворвалась на мировой рынок, то закончится период спокойного существования стран, живущих за счет высоких цен на энергетические ресурсы, и начнется восхождение других государств,

создающих передовую экономику, – Индии, Китая и Бразилии. В-третьих, Ирак стал ареной для испробования весьма наивных представлений части американского истеблишмента о том, как должна быть организована жизнь в других странах, в том числе с иной многовековой политической системой и культурой.

Фарид Закария сумел сформулировать суть важного направления внешней политики США и мировых отношений: «остальные» – это не-союзники США. Среди них совсем не обязательно только противники США, там есть и противники и не-противники. Но все они – «другие», отличающиеся от тех, кто стал американским союзником. Эйфория победы в холодной войне на какое-то время загородила собой серьезность вызовов в адрес США из этой сферы международных отношений, и потому реакция на них со стороны Вашингтона была неоднозначна: от попыток создания отношения «стратегического партнерства» (с Россией и Китаем) до прямых военных действий (против Сомали, Югославии, Афганистана и Ирака). Но со временем и в этой сфере наступает определенное понимание.

С одной стороны, дают о себе знать недомолвки в отношениях с Россией, Китаем, Индией, Бразилией и ЮАР. Данные страны, хоть и называются «переходными», на самом деле находятся на разных стадиях развития. С политической точки зрения, Индия, Бразилия, и даже ЮАР, стали (или становятся) демократиями и возможно могут претендовать на статус будущих союзников США. Цель лишь в том, чтобы с помощью инвестиций помочь этим странам уменьшить разрыв в уровне развития с более самодостаточными государствами. В то же время Китай и Россия, в которых процессы демократизации далеки от американского идеала, вызывают все больше опасений: не исключено, что там могут получить тенденции, которые сделают данные страны противниками США со всеми вытекающими из этого последствиями. С экономической точки зрения, целесообразность

всеобъемлющего допуска этих стран к механизмам и режимам других стран (ВТО и ОЭСР) вызывает сомнения.

С другой стороны, в рамках «остальных» уже существует несколько источников возможной опасности для США. Во-первых, это страны исламской ориентации (от Саудовской Аравии до Сомали и Ирака), отказывающиеся от американских рецептов. Тут есть опасность создания единого политического и экономического пространства, включающего почти полтора миллиарда человек, сплоченных одной верой и идеологиями борьбы против неверных. Финансовые возможности этих нефтедобывающих стран, демонстрирующих желание иметь ядерное оружие. Во-вторых, это страны «террористической» ориентации, считающие себя в состоянии войны с Соединенными Штатами (режим талибов в Афганистане, шииты в Ираке, радикалы в Пакистане, Сирии, Ливии, Судане и Сомали). Со стороны данной группы исходит угроза употребления терроризма для усугублять общественную и государственную стабильность в странах Запада. Третьим источником опасности можно считать «несостоявшиеся» страны, из которых в США и страны Европы идет поток нелегальной иммиграции, наркотиков и страшных эпидемий (СПИД, лихорадка Денге и другие смертельно растущие опасные заболевания).

Если США желают (и имеют на то основание) рассматривать страны переходного типа как свой глобальный резерв, надо переходить к созданию соответствующей политики и стратегии действий. Естественно, перспектива сделать союзниками страны с почти трехмиллиардным населением – в дополнение к собственному «золотому миллиарду» – захватывает дух. Тогда возможно было бы создать в мировом масштабе такую концентрацию сил, которая позволит и США, и их нынешних союзников системой безопасности, снабжением необходимых ресурсов, платежеспособным рынком, резервами дисциплинированной рабочей силы. И в таком случае можно будет зациклить

внимание на таких острых проблемах, как Ирак, или Иран, или Ближний Восток в целом.

Но для этого необходимо разработать какую-то другую, по сравнению с существующей, стратегию действий. Существующая стратегия заключается в попытках силового распространения норм и подходов «однополярного» мира на «остальных». В свете же Ирака и более глубинного анализа происходящего в странах переходного типа нужно ставить вопрос о разработке второй, параллельной, может быть альтернативной, стратегии, направленной на «многополярность». Сохраняя за собой контроль над миром союзников, США обязаны разработать алгоритм взаимодействия с крупными странами переходного типа для улаживания более сложных проблем другой сферы (предотвращения разработки ядерного оружия в КНДР с помощью механизмов, в которых значительную роль играют Китай и Россия; недопущения с помощью России создания ядерного оружия в Иране; улаживания на Ближнем Востоке с помощью ООН, ЕС и России и т.д.).

Проблемы, вокруг которых концентрируются внешнеполитические интересы США, можно условно расположить в два яруса. В первом ярусе находятся, во-первых, проблемы, связанные с поддержанием и защитой группы союзников и квази-союзников. Здесь, за редким исключением, сильных проблем практически нет, хотя к числу союзников США относят Израиль и Пакистан, которые вовлечены в сложные ситуации, нуждающиеся внимания со стороны США.

Во-вторых, к первому ярусу относятся проблемы стран переходного типа. Здесь ситуация гораздо сложнее, чем в первой группе. США, в принципе, заинтересованы в их эволюции по западному пути и даже готовы оказать им в этом помощь, но справедливо опасаются, что именно среди этих стран находится их будущий главный соперник, например Россия или Китай. Следовательно, надо найти средства способствовать благополучным

переменам в этих странах, но так, чтобы эти перемены не привели к развалу складывающегося американо-центристского мирового порядка.

В-третьих, на первом ярусе располагаются проблемы стран «традиционалистской» ориентации, проще говоря стран исламского мира. Если развитие ситуации в этой группе стран будет идти по линии укрепления основ исламского порядка и исламской солидарности, а тем более если там возобладает фундаментализм, то есть вероятно, что со временем Соединенным Штатам и созданному ими миропорядку будут противостоять мощные силы чуждой цивилизации. Следовательно, пока есть возможность, надо препятствовать процессам укрепления исламизма. Стоит добиться развала исламского мира, как минимум, на страны «дружественные» и «недружественные», а как максимум, на страны, хоть частично понимающие западные ценности (Египет, Турция, Индонезия), на страны-союзники США (Пакистан, Саудовская Аравия, Кувейт, Иордания, Марокко, ОАЭ) и на страны, оставшиеся целиком во власти исламской традиции.

В-четвертых, к этому ярусу относятся проблемы «несостоявшихся» стран, которые надо просто взять на содержание (большая часть Африки, Шри-Ланка, Бирма, страны Центральной Америки и Карибского региона).

Перечень проблем внешнеполитического курса США был бы неполон без проблем второго яруса – глобальных проблем, от решения которых будет зависеть благополучие как самих США и их союзников, так и «остальных». Острота этих проблем (состояния мирового океана, потепления климата, жизненно необходимых ресурсов, продовольственной проблемы, терроризма и актов насилия ради перераспределения ресурсов и доходов от них) ставит довольно сложно выполнимые условия для свободы внешнеполитического курса Соединенных Штатов, да и всех остальных государств мира. Именно тот, кто сможет противостоять на этим вызовам, будет признан безоговорочным лидером среди всех стран. Уклониться от поиска ответов

невозможно, потому что многие из этих проблем угрожают непосредственно самим США, несмотря на размер их территории и ресурсов.

На данном этапе соотношение по степени значимости проблем первого и второго ярусов во внешней политике Вашингтона склоняется в пользу первого яруса. Превалирует эгоистическое желание воспользоваться моментом для увеличения сферы влияния США. Если брать в расчет документы администрации Дж. Буша-младшего, даже по ежегодным посланиям президента о состоянии страны, то в них большое внимание (и, соответственно, ресурсы) отведено вопросам первого яруса. Глобальные проблемы упоминаются, но, скорее, мимоходом. Это вызывает напряженность и непонимание среди критиков администрации внутри государства и в союзных странах. Ведь при усилении глобальных проблем, кроме США, разрешать их больше никому. Где же в таком случае «ответственность» за союзников, о которой говорят американские руководители? «Ответственность», если речь идет о защите союзников от глобальных катастроф, нуждается, в первоочередную в ясной стратегии действий в этом направлении и умения мобилизовать нужные ресурсы, в том числе тех государств, которые имеют необходимые технологии и политическую волю, например как у России.

Если скупуплезно вчитываться в осторожные критические замечания некоторых союзников США по поводу развертывания третьего позиционного эшелона ПРО в Европе, то в них, наряду с чувством спокойствия и благодарности в адрес США, звучит явная тревога по поводу того, как Вашингтон показал себя в этом вопросе с Россией. Для европейцев, как и многих авторитетных американцев, ясно, что Россия должна испытывать не меньшую, чем США и их союзники, озабоченность по поводу возможных террористических пусков ракетно-ядерных средств, если они окажутся в распоряжении террористов где-то в центре Азии. И Россия со своей ракетной технологией и своей системой слежения за ракетными пусками в этом регионе

(Центральная Азия и Ближний Восток) возможно могла бы стать наиценнейшим партнером в налаживании плотной противоракетной обороны всего Северного полушария. Но политика администрации Дж. Буша привела к тому, что этот вопрос, вместо побуждения к сотрудничеству, стал камнем преткновения во взаимоотношениях между Вашингтоном и Москвой, источником подозрений, недоверия и темой для серьезных обсуждений. Данный эпизод не так давно разработанного плана борьбы против глобальных вызовов показал, насколько узко и односторонне понимает нынешняя администрация США проблему организации коллективного ответа всех заинтересованных сторон на глобальные вызовы.

Существование еще одного яруса проблем требует от США всецелого перерасчета принципов создания всей американской внешнеполитической стратегии. Было бы неправильно полагать, что явление нового типа угроз всецело заставит США отказаться от настолько привычного подхода, основанного на принципах соперничества за достижения своих поставленных задач, и все же серьезная доработка этого подхода в сторону сотрудничества необходима.

Аналогичная дилемма появляется перед внешней политикой США и сегодня: действовать в том же духе неоконсерватизма «тянуть одеяло на себя», доводя до реализации все свои эгоистические интересы, или же возвысится над сложившейся ситуацией и взглянуть на нее сверху, откуда видно, что если сейчас не объединить усилия с разными государствами, именно с самыми крупными и могущественными, то рано или поздно глобальные вызовы друг друга приведут к всеобщей катастрофе.

В этой ситуации увлекает внимание характер споров между кандидатами на пост в президенты США в кампании 2008 г. Во внимание предвыборных баталий внешнеполитические разногласия попали в небольшой степени, за исключением Ирака. По Ираку претендент от республиканцев сенатор Дж. Маккейн, и кандидат от демократов сенатор Б. Обама выступили с

диаметрально противоположными позициями. Маккейн думает, что нужна «борьба до победы», Обама – что надо уходить из Ирака. Уже в этой частной проблеме видно сильное расхождение не только республиканцев и демократов (часть демократов поддерживает лозунг «война до победы», так же как и часть республиканцев считает, что из Ирака надо уйти), сколько различных поколений и разных точек зрения на характер внешнеполитических вызовов и последовательности ответа на них. Ирак стал опрометчивой ошибкой США. Но это не просто результат ошибочного подхода или недоучет серьезности проблемы. Это ошибка восприятия истинной роли Соединенных Штатов в современном мире [В.А.Кременюк, США в современной мировой системе, режим доступа: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=79> (дата обращения 27.04.16)].

Несмотря на кризисные факторы в экономике, которые проявились в последние годы (в 2007–2009 годах: экономические потери США составили около 17 трлн. долл.), наличие существенного внешнеторгового дисбаланса (в 2012 году США экспортировали товаров на \$1,6 трлн., импортировали – на \$2,3 трлн.) и значительного публичного долга (в 2012 году он составил 72,5% ВВП, увеличившись по сравнению с 2011 годом на 4,7%), нынешние США остаются одной из крупнейших экономик мира. Объем ВВП данной страны в 2012 году, согласно расчетам Всемирного банка, превысил \$15 трлн. (по объему ВВП США занимали второе место в мире, уступая лишь Евросоюзу). Достаточно большим остается распределение ВВП на душу населения — в 2012 г. соответствующий показатель для США составлял \$50,7 тыс. По распределению ВВП США занимали 11-е место в мире и 4-е место среди стран Запада (после Лихтенштейна, Люксембурга и Норвегии). При этом ВВП формировался по большей части за счет последствий работы промышленных предприятий (19,2% ВВП) и оказания услуг (79,7% ВВП).

США относятся к числу наиболее многонаселенных государств мира. Численность населения США по состоянию на июль 2013 г. составляла 316,7

млн. человек (3-е место в мире после Китая и Индии), причем 52,5% населения страны были в трудоспособном возрасте (от 15 до 64 лет). США как и прежде сохраняют привлекательность для внешних мигрантов, занимая в этом отношении одну из первоначальных позиций в мире. В 2010 г. абсолютно законно в государство приехало 42,8 млн. иммигрантов, но большая часть людей въезжала в США еще и незаконно (по расчетам американских экспертов, флаг главенства в данном ракурсе уроженцы Мексики и других стран Центральной и Южной Америки, и стран Южной, Юго-Восточной Азии).

Сохранение доллара в качестве главной резервной и расчетной валюты мира позволяет США понижать изьяны развития национальной экономики, удерживать лидирующие позиции в мировой торговле, главных финансовых институтов мира (МВФ, Группа Всемирного банка и т. п.), в удержании международной экономической и гуманитарной помощи. Американский капитал присутствует в большинстве ТНК, а сами же США являются одним из крупнейших мировых инвесторов и обладают одним из самых крупных объемов накопленных и пополняющихся прямых иностранных инвестиций.

Главенство США показывается в проведении научных исследований и совершенствовании новых технологий. К началу 2010-х годов их доля в общемировых тратах на НИОКР получала около 30% (примерно \$400 млрд.). Хранят США привлекательность и в частности образовательной политики, осуществления международных образовательных разработок. Работы в американских университетах сильно поддерживают американские государственные структуры, бизнес и негосударственные учреждения и не странно, что в мировых оценке вузов американские университеты занимают первые места. Значительная часть результатов научных исследований в США находит практическое применение, причем за последние годы проявилась тенденция вывода традиционных отраслей промышленности за рубеж, но сохранения в стране высокотехнологичных отрасли промышленности

(авиакосмическая, медицинская и фармацевтическая, военная, телекоммуникационная, компьютерная и т. п.). В 2010 году за счет высокотехнологичных отраслей промышленности было получено 34,8% ВВП США (\$5 трлн.).

Соединенные Штаты Америки сохраняют бесспорное лидерство в военной сфере. Их вооруженные силы оснащены самыми современными видами вооружений, включая оружие массового уничтожения (ядерное, химическое, бактериологическое и иное оружие). Также США занимают первое место в мире по объему военных расходов и продаж вооружений. В 2011 году военные расходы США составили \$708,2 млрд. (по данным СИПРИ — \$711 млрд.), в 2012 году — \$670,9 млрд. (по данным СИПРИ — \$685,3 млрд.). В 2011 году на компании США приходилось около 60% продаж оружия в мире.

Несмотря на определенное снижение привлекательности социально-экономической и политической модели США в глазах мирового сообщества, они продолжают формировать основы мировой «массовой культуры» и располагают широкими возможностями для донесения своей точки зрения до мировой общественности (интернет, печатные СМИ, радио и телевидение и т.п.).

Таким образом, есть основания утверждать, что в настоящее время США не имеют возможности выступать в роли мирового гегемона (это отчетливо демонстрируют результаты военных компаний с участием США в Афганистане и Ираке), но, несмотря на экономические проблемы и трудности в реализации внешней политики, располагают достаточным потенциалом для осуществления активных действий на международной арене и не скрывают своего желания сохранять лидерство в мировом масштабе.

Сравнительный анализ реальной линии поведения США в международных делах в самые последние годы, позволяет сделать некоторые выводы относительно средств и методов, с помощью которых Вашингтон

намерен добиваться закрепления своей мировой гегемонии. Вырисовываются три основных направления или фактора гегемонистской политики США: модернизация военной мощи, использование информационно-технологического преимущества, применение финансово-экономических рычагов (макроэкономическое воздействие плюс санкции).

Применение силы было и остается ведущим компонентом и основой американской политики по отношению к внешнему миру. Замыслы военных теоретиков США, как и практическая работа в военно-промышленном комплексе страны, идут все дальше в направлении создания все более высокоточных систем оружия, которые на Западе принято называть "умными". Акцент на высокие технологии для военных целей не означает, что США откажутся от ядерного оружия. На деле происходит качественный сдвиг в подходе к возможному использованию ядерного оружия: активизация работы над созданием новых видов ядерных боеголовок, прежде всего более миниатюрных по всем параметрам. Как известно США пересмотрели свою ядерную доктрину, отказавшись от концепции "большой ядерной войны". Однако подобный отказ в действительности означает лишь снижение ядерного "порога". Таким образом, новая ядерная доктрина Вашингтона фактически ведет к тому, что США могут применить ядерное оружие в любом случае, если не возникнет вероятности нанесения ответного удара. Ведь не случайно во время обострения кризиса вокруг Ирака в Вашингтоне активно велись разговоры о возможности нанесения ядерного удара по Багдаду.

Следует указать еще на одну возможную тенденцию в связи с внедрением высоких технологий в военное дело в США. Этот процесс технологизации, расширяя, по крайней мере, теоретически, боевые возможности собственно американских войск по проведению операций в различных районах мира, одновременно снижает чисто военную значимость союзов и союзников, включая НАТО. Из этого не следует, что в ближайшем будущем США откажутся от своих союзов. Во всяком случае такой альянс,

как НАТО, сохраняет важнейшее значение для Вашингтона с точки зрения американского участия в европейских делах и, соответственно, эффективного воздействия на Европу. Он также важен для США как "резерв" на случай возникновения в мире крупных и затяжных конфликтов.

В данном параграфе рассматривается тот факт что после краха Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений США стали главной сверх державой в мировом сообществе. В результате, можно ожидать, что в дальнейшем Вашингтон будет все менее склонен считаться и консультироваться со своими союзниками при принятии решений о проведении каких-либо акций, включая военные, в разных регионах планеты для подкрепления своих претензий на глобальное лидерство. Подобная линия поведения наглядно проявилась, например, в случае с Ираком, когда США принимали решения единолично, не считаясь даже со странами альянса, при этом заручившись широкой поддержкой лишь со стороны Англии.

2. Глава. Сотрудничество Великобритании и США XX-XXI вв.

2.1. Англо-американское сотрудничество: цивилизационный аспект

На американское восприятие Британии всегда оказывала влияние проблема «британской», «английской» или «англосаксонской» идентичности. Причем термин «британский/английский» в США трактовался весьма строго, в отличие от других государств, где количество выходцев с «Островов» также весьма значительно.

Именно в бывших британских колониях - североамериканских штатах, изначально созданных пришельцами из Европы, и поныне существует чёткое разделение на «белые меньшинства», в том числе шотландцев, уэльсцев, ирландцев и даже отдельно североирландцев, историческая память которых отягощена преследованиями их предков по национальному и конфессиональному признакам со стороны «англичан-британцев». Да и влиятельная белая элита Америки состоит отнюдь не только из «англичан-британцев», но и потомков их «соперников» на «Островах», которые порой вносят существенные коррективы во внешнеполитический курс Вашингтона по отношению к Лондону в зависимости от политической конъюнктуры в те или иные периоды времени.

Ситуация в настоящее время для Британии, с точки зрения прочных культурных связей с США, осложняется демографическим фактором. К 2000 году уже только один из десяти американцев отождествлял себя с британской идентичностью. На негатив этого явления указывал в своё время авторитетный американский политолог Самуэль Хантингтон, пытавшийся обратить внимание руководства США на явные признаки «эрозии фундаментальной англо-протестантской культуры» в связи с нарастающим потоком эмигрантов из стран, расово далеких не только от «англосаксонской», но и, что особенно тревожно, от европейской цивилизации.

Упомянувшийся политолог Джон Дамбрелл в одном из своих исследований, пытаясь подвести базу под отношение британцев к американцам, приводит ёмкую характеристику известного британского писателя Грэма Грина, данную «заокеанским родственникам»: нация с юношеским задором. Другой исследователь истории США Денис Броуган подчеркивает, что «американские лидеры зачастую действуют как дети в мире политики». В своём известном труде «Изучение классической американской литературы» британский литературный деятель Дэвид Лоуренс в 1923 году наставлял своих соотечественников относительно «правильного» восприятия «американской культуры» как «культуры сопротивления». Он отмечал: «Где-то в глубине каждого американского сердца лежит сопротивление родительскому надзору со стороны Европы. И нет ни одного американца, который бы не чувствовал, что он полностью избавился от этого давления...» Британский журналист Кит Ботсфорд сравнивает типичного американца, «имеющего мало терпения, чтобы сносить неудобства и несчастья», с чувством ребёнка, «лишённого сладкого». Такова в целом подоплёка или базис, на котором строится отношение среднего британца к американцам.

При этом, однако, в странах «на континенте» существует стойкое представление о Великобритании как о «культурном брокере» или посреднике между США и Европой в целом. По мнению задающих в этом тон французских интеллектуалов, их «британские коллеги просто коррумпированы американскими деньгами и мощью...» и что «многие британские литераторы нашли не только обширный рынок для своих творений в США, но и получили первое признание именно там».

Джон Дамбрелл попытался систематизировать британский «негативизм» по отношению к США. С точки зрения британского ученого, его можно разделить на три вида: культурный, «левацкий» и националистический.

Культурный в широком смысле антиамериканизм британцев принял более-менее чёткое оформление в 90-е годы прошлого века в ходе

развернувшейся дискуссии относительно «британской культурной идентификации» как реакция на осуществляемую высокими темпами революцию в сфере обслуживания для обеспечения «стандартизации и качества» предоставляемых услуг. Этот процесс был связан напрямую с проникновением американской так называемой «маскультуры» во все сферы жизнедеятельности не только Великобритании, но и в глобальном масштабе.

Второй вид «антиамериканизма» по Дамбреллу базируется на «политической левизне» определённой части британского общества. «Левацкий» антиамериканизм фокусируется на восприятии внешней политики США как империалистической, «коварном» влиянии американских спецслужб и роли Америки как вдохновителя глобальной капитализации. Причём направленность «левых атак» на США меняется вместе с политической конъюнктурой. Чтобы защищать интересы «кучки богатых американцев», в 1980-е годы - в том, что при Рейгане Америка, лишившись последних свобод, превратилась в главную угрозу миру во всём мире, в 1990-е годы и особенно в «эру Буша» - в том, что в своих корыстных интересах Америка глобализирует экономику и финансы... Левые, особенно ультралевые, в Британии своим карикатурным антиамериканизмом чаще дискредитируют себя, нежели оказывают существенное влияние на позиции официального Лондона по отношению к Вашингтону. Достаточно привести пример антиамериканской кампании в Британии в 1960-е годы, когда в её центр был внедрён лозунг об отказе от кока-колы как напитка, содержащего «капиталистическую жидкость».

Националистический антиамериканизм в британском обществе характерен скорее для его высших кругов и проистекает, как считает Дж. Дамбрелл, из романтического восприятия британским истеблишментом своей страны как мощной имперской державы.

Британский ученый-международник с болгарскими корнями Алекс Данчев указывает, что доминирующим фактором в поддержании и развитии

этих отношений всегда был жёсткий прагматизм и тех, и других. Прагматики от политики в Вашингтоне и Лондоне, продолжает А. Данчев, склонны связывать свои действия с реалистическими интерпретациями международных отношений - позиция, в соответствии с которой консолидация и укрепление их мощи формируют цель национальной внешней политики.

В то же время директор Центра дипломатических и международных исследований университета Лейцестер Джон Дамбрелл не склонен преувеличивать «фактор прагматизма». По его мнению, именно общность культуры и сентименты помогли «особым отношениям» держаться на соответствующем уровне и в годы после окончания «холодной войны». «Ценности, идеология и убеждения, - продолжает британский ученый, - есть компоненты культуры и являются как социально сконструированными, так и относительно постоянными». Несмотря на то что Британия объективно не приемлет многие ключевые элементы в сформировавшейся американской национальной культуре, практически все специалисты-международники признают решающими в области близости обеих стран такие факторы, как общность языка, общие исторические корни и «англо»-ориентированные традиции американской элиты. В этом плане весьма примечательно утверждение британского политолога Джона Редвуда о том, что «Америка сохранила в себе Британию 18-го столетия в большей степени, нежели сама Британия». И, продолжая мысль британца, известный американский учёный Н. Уэбстер подчеркивает, что «ныне широко известные как американские вульгарные лингвистические неологизмы на самом деле - выдержанные и аутентичные примеры истинно английской речи 18-го столетия».

Показателен и приводимый Дамбреллом в одном из исследований отрывок из «Указаний военного министерства США» от 1942 года для американских военнослужащих, взаимодействовавших в тот период со своими британскими коллегами. Так, «янки» предписывалось «соблюдать порядок и демонстрировать вежливость» при посещении скоплений местных

(британских) жителей, например на футбольных матчах. Американцы ставились в известность о том, что «британские «бобби»(полицейские) никогда не спешат, но всегда найдут время для общения». Военнослужащим США напоминали, что «наш общий язык, общепринятый порядок и наши идеалы религиозной свободы привнесены из Британии, когда пилигримы высадились в Плимуте». «Учтите, - подчеркивалось в указаниях, - что вам платят больше, чем «томми» (британским военнослужащим). Не теребите рану!» «Мало того, что невежливо критиковать хозяев, так просто глупо с военной точки зрения осуждать своих союзников!»

Британская стратегия, заключавшаяся в обеспечении постоянства союзнических связей с США с одновременной подпиткой себя надеждой на то, что и американцы навсегда останутся пробритански настроенными, срабатывала отнюдь не всегда. Самоуверенность британцев, воспринимавших себя в качестве главных продолжателей и носителей ценностей западной цивилизации, время от времени вызывала приступы глубокого раздражения не только у их «континентальных соседей», но и, что особенно повергало в недоумение Лондон, у «братьев по расе» из-за океана.

Факторы национальной идентичности: на американское восприятие Британии всегда оказывала влияние проблема «британской», «английской» или «англосаксонской» идентичности. Причем термин «британский/английский» в США трактовался весьма строго, в отличие от других государств, где количество выходцев с «Островов» также весьма значительно. Именно в бывших британских колониях - североамериканских штатах, изначально созданных пришельцами из Европы, и поныне существует чёткое разделение на «белые меньшинства», в том числе шотландцев, уэльсцев, ирландцев и даже отдельно североирландцев, историческая память которых отягощена преследованиями их предков по национальному и конфессиональному признакам со стороны «англичан-британцев». Да и влиятельная белая элита Америки состоит отнюдь не только из «англичан-

британцев», но и потомков их «соперников» на «Островах», которые порой вносят существенные коррективы во внешнеполитический курс Вашингтона по отношению к Лондону в зависимости от политической конъюнктуры в те или иные периоды времени.

Ситуация в настоящее время для Британии, с точки зрения прочных культурных связей с США, осложняется демографическим фактором. К 2000 году уже только один из десяти американцев отождествлял себя с британской идентичностью. На негатив этого явления указывал в своё время авторитетный американский политолог Самуэль Хандингтон, пытавшийся обратить внимание руководства США на явные признаки «эрозии фундаментальной англо-протестантской культуры» в связи с нарастающим потоком эмигрантов из стран, расово далеких не только от «англосаксонской», но и, что особенно тревожно, от европейской цивилизации.

Упомянутый политолог Джон Дамбрелл в одном из своих исследований, пытаясь подвести базу под отношение британцев к американцам, приводит ёмкую характеристику известного британского писателя Грэма Грина, данную «заокеанским родственникам»: нация с юношеским задором. Другой исследователь истории США Денис Броуган подчеркивает, что «американские лидеры зачастую действуют как дети в мире политики». В своём известном труде «Изучение классической американской литературы» британский литературный деятель Дэвид Лоуренс в 1923 году наставлял своих соотечественников относительно «правильного» восприятия «американской культуры» как «культуры сопротивления». Он отмечал: «Где-то в глубине каждого американского сердца лежит сопротивление родительскому надзору со стороны Европы. И нет ни одного американца, который бы не чувствовал, что он полностью избавился от этого давления...» Британский журналист Кит Ботсфорд сравнивает типичного американца, «имеющего мало терпения, чтобы сносить неудобства и несчастья», с

чувством ребёнка, «лишённого сладкого». Такова в целом подоплёка или базис, на котором строится отношение среднего британца к американцам.

При этом, однако, в странах «на континенте» существует стойкое представление о Великобритании как о «культурном брокере» или посреднике между США и Европой в целом. По мнению задающих в этом тон французских интеллектуалов, их «британские коллеги просто коррумпированы американскими деньгами и мощью...» и что «многие британские литераторы нашли не только обширный рынок для своих творений в США, но и получили первое признание именно там».

Джон Дамбрелл попытался систематизировать британский «негативизм» по отношению к США. С точки зрения британского ученого, его можно разделить на три вида: культурный, «левацкий» и националистический.

Культурный в широком смысле антиамериканизм британцев принял более-менее чёткое оформление в 90-е годы прошлого века в ходе развернувшейся дискуссии относительно «британской культурной идентификации» как реакция на осуществляемую высокими темпами революцию в сфере обслуживания для обеспечения «стандартизации и качества» предоставляемых услуг. Этот процесс был связан напрямую с проникновением американской так называемой «маскультуры» во все сферы жизнедеятельности не только Великобритании, но и в глобальном масштабе.

Второй вид «антиамериканизма» по Дамбреллу базируется на «политической левизне» определённой части британского общества. «Левацкий» антиамериканизм фокусируется на восприятии внешней политики США как империалистической, «коварном» влиянии американских спецслужб и роли Америки как вдохновителя глобальной капитализации. Причём направленность «левых атак» на США меняется вместе с политической конъюнктурой. Так, в 1950-е годы Вашингтон обвинялся в том, что взвалил на Лондон непомерные военные расходы, в 1960-е годы - в том, что посылал солдат во Вьетнам, чтобы защищать интересы «кучки богатых американцев»,

в 1980-е годы - в том, что при Рейгане Америка, лишившись последних свобод, превратилась в главную угрозу миру во всём мире, в 1990-е годы и особенно в «эру Буша» - в том, что в своих корыстных интересах Америка глобализирует экономику и финансы... Левые, особенно ультралевые, в Британии своим карикатурным антиамериканизмом чаще дискредитируют себя, нежели оказывают существенное влияние на позиции официального Лондона по отношению к Вашингтону. Достаточно привести пример антиамериканской кампании в Британии в 1960-е годы, когда в её центр был внедрён лозунг об отказе от кока-колы как напитка, содержащего «капиталистическую жидкость».

Националистический антиамериканизм в британском обществе характерен скорее для его высших кругов и проистекает, как считает Дж. Дамбрелл, из романтического восприятия британским истеблишментом своей страны как мощной имперской державы.

Религиозная идентичность связана с механизмами самоопределения эмоционального отождествления и субъективной причастностью и да к конкретной религии, образу жизни, общности единоверцев. Она может занимать доминирующие позиции, подчиняя себе гражданскую, семейную профессиональную и другие виды идентичностей. Когда субъективная значимость религиозной идентичности оказывается более значимой и сопровождается принятием соответствующего образа жизни, она «окрашивает» другие виды идентичностей присущим конкретной религии колоритом, тем самым создавая варианты воплощения православной, католической или протестантской идентичности. Это процесс, в котором внешние (социальные) и утренние обстоятельства приводят человека к религиозному обращению а сама религиозная идентичность оказывает обратное воздействие на формирование гражданской, национальной, культурной и др.) видов социальной идентичности. Социальная идентичность интеграция различных по своей природе индивидуальных качеств, которые

складываются из восприятия индивидом себя как члена определенных социальных групп или общностей множественный Я-образ»: мужчина, юношеская возрастная группа. Религиозная идентичность как элемент в структуре социальной идентичности в процессе религиозной идентификации может образовываться в определенную систему на разных уровнях абстрагирования. Само понятие социальной идентичности применяется как к обществу в целом, так и к личности человека в частности. На процесс формирования социальной идентичности влияют различные социальные и культурные факторы. Выделив в структуре социальной идентичности различные ее виды, отметим, что в каждом из них Национальном, этническом, гражданском, культурном, религиозном присутствуют элементы других видов в той или иной степени выраженности. Так, национальный элемент в общей структуре связан с понятием этнического и гражданского, включает в себя соотношение двух сфер деятельности человека – культуры и религии. Отнести определенный вид социальной идентичности в автономную плоскость и анализировать его без учета влияния других факторов достаточно сложно и, возможно, необоснованно. Это относится и к изучению феномена религиозной идентичности, несмотря на то, что в общей структуре социальной идентичности он значительно (если не определяюще) воздействует на формирование других элементов, что не могло не повлиять на особенности проявления не только конфессиональной, но и этнической, национальной, гражданской позиции и культурных черт различных народов. Сам процесс формирования социальной и конфессиональной особенности проявления не только конфессиональной, но и этнической, национальной, гражданской позиции и культурных черт различных народов. Сам процесс формирования социальной и конфессиональной идентичностей двусторонний, религия определенным образом влияет на социализацию личности, а выделенные элементы социальной идентичности на формирование конфессиональной идентичности, которая определяется не только принадлежностью к

конкретной форме религии, но и соотношением себя с культурой и образом жизни, которые сформировались под ее влиянием.

Представим структурные компоненты основных видов социальной идентичности в виде модели. Анализируя особенности формирования религиозной идентичности, важно отметить и другие, более глубокие факторы, определяющие процесс возникновения, закрепления и воспроизводства религиозной идентичности, характерной для конкретного типа культуры и общества. Религиозная идентичность формируется внутри постоянно циркулирующего процесса перехода религии в культуру и возвращения культуры в религию. Деление социокультурного строя на несколько сменяющих друг друга разновидностей в циклической макродинамике общества глубоко обосновано в концепции П. Сорокина. Чувственный, идеациональный, интегральный каждый тип культуры характеризуется приоритетами в сфере материального или духовного в системе потребностей человека и общества. Так, при чувственном строе приоритет отдается материальному, доминируют конкуренция, чувственность, эгоизм. При идеациональном (сверхчувственном) приоритет духовных ценностей, религия занимает ведущее место во всех сферах общества: политической, культурной, социальной, ей подчиняется вся деятельность и устремления человека и общества. Интегральный строй гармонично сочетает в себе приоритет чувственно и идеационального: материальные и духовные потребности и интересы человека и общества объединяются в достижениях науки и техники, культуры и этики во имя развития и удовлетворения новых потребностей человека.

Социокультурное взаимодействие включает три взаимосвязанных элемента, каждый из которых не может существовать без двух других, так как нарушается весь смысл и основа взаимодействия. Личность, субъект взаимодействия, социальные группы в обществе, взаимодействующих личностей, культурные системы, значения, ценности и нормы, которыми

владеют взаимодействующие лица. Основа любой культуры ценности. Именно культурные ценности определяют взаимодействие людей как социальное, а не биофизическое явление. Руководствуясь принципом флуктуации как основного признака социальных систем, возникающего практически во всех процессах (экономических политических, культурных, религиозных, научных и т. д), в их взаимосвязях друг с другом, попытаемся его обосновать применительно к формированию религиозной и конфессиональной идентичности, которая в разные исторические периоды на одной и той же территории может иметь различные формы выражения. Формируясь под влиянием социокультурных факторов базисных и изменчивых), в определенном обществе формируется свойственный ей тип конфессиональной идентичности. Процесс формирования цикличен, однако влияние культуры и религии на общество может быть разным и зависит от ценностных ориентиров общества и эпохи.

Когда ценностный комплекс базируется на религиозных основах религия подчиняет себе все подсистемные элементы общества; доминирует благодаря влиянию и контролю над социальными институтами, системой коммуникаций, сферой права, художественной культурой и искусством. Эти признаки могут быть нормой в одном обществе и иметь категоричное непринятие в другом (в случае доминирующего влияния определенного типа культуры над сферой религии [С.Печуров, Сотрудничество США и Великобритании в области создания и модернизации ядерного оружия, режим доступа: Пентагон

http://pentagonus.ru/publ/sotrudnichestvo_ssha_i_velikobritanii_v_oblasti_sozdaniya_i_modernizacii_jadernogo_oruzhija_2012/112-1-0-2243 (дата обращения: 05.04.16)]. В такой ситуации доминирующая культура объединяет в себе ценности, убеждения, образцы поведения, которые принимаются и разделяются большинством, трансформируются в определенный культурный комплекс, отражающий этап и специфику культурной эпохи. В истории

складывались такие ситуации, когда локальные комплексы новых ценностей претендовали на универсальность, противопоставляя себя фундаментальным принципам, доминирующим в культуре, что приводило к ослаблению или исчезновению некоторых элементов культуры или религии приводило общество к трансформации и обновлению. Это постоянно воспроизводящий себя процесс в мировой культуре и обществе. Примеры: раннее христианство в Римской империи, учения различных сект в эпоху Средневековья, появление светской культуры в эпоху Возрождения и т. д.

Сравнивая США и Великобританию, можно сделать один главный вывод: культурно-политические традиции США и Англии во многом являются очень схожими. Причиной такого сходства является историческое прошлое этих государств. Возможно, будет уместным сказать, что США является детищем Англии. Как молодое государство США строило свое дальнейшее будущее, основываясь на демократических началах, а отсутствие своих исторических традиций и принципов способствовало заимствованию различных элементов у других народов. "Ближайшим" таким народом для США и стала Англия. Таким образом, одной из характерных черт, как для США, так и для Англии стало прецедентное право. В Англии оно применяется судьями при разбирательстве в суде и является основным критерием, по которому выносится приговор, в США же данный принцип является менее жестким и судья вправе отказываться от него.

Являясь родиной парламентаризма, англичане испытывают особую гордость за свой парламент, США же является родиной Конституции, чем и гордятся американцы. Как мы видим, два наиболее значимых элемента демократии зародились именно в этих странах. Парламент как институт народовластия и представление интересов граждан представляет собой плюрализм мнений, совокупность которых дает возможность развиваться стране. Конституция же в свою очередь закрепляет основные права и обязанности граждан, выступает гарантом защиты личности, в том числе и

защиту своего государства в любой точке мира. С этих позиций США и Англия внесли неоценимый вклад, как в историю своих государств, так и для стран всего мира [Согрин В.В., 2001, с. 234].

Главным различием в данных странах является форма правления: республика в США и монархия в Англии. Если для США сменяемый посредством выборов президент является необходимым условием для дальнейшей жизни страны, то для Англии таковым условием является передача власти по наследству от монарха к монарху. В данной работе не раз упоминалось значение монарха для англичан, поэтому представить в данной стране выборную должность президента не представляется возможным.

Еще одним критерием, выбранным для сравнения культурно-политических традиций этих двух государств, является партийная система. Трудно сказать, в какой момент данное явление как двухпартийность стало для этих стран традицией, и является ли оно традицией в действительности, поскольку различные авторы относятся к данному вопросу по-разному. Тем не менее, уже на протяжении нескольких десятков лет уверенное лидерство удерживают партии демократов и республиканцев в США и консерваторов и лейбористов в Англии. Во всяком случае, всякая традиция устанавливается на протяжении длительного времени, что мы и наблюдаем в данном случае, поэтому видится уместным отнести данный критерий все же к политическим традициям данных государств [Асоян Н.И., 1988, с. 542].

США и Англия являются многонациональными государствами, что способствовало переплетению и формированию различных культурных особенностей для этих стран. Главным различием такого синтеза, явилась историческая борьба Англии с различными народами, в том числе определенные проблемы с Уэльсом и Шотландией, что вкупе с веками истории и привело к неизбежному слиянию культур и, как следствие, традиций. В США такой синтез произошел из-за распространившегося мифа, что это земля, где сбываются все мечты, а растущая экономическая мощь,

окрыленная возгласами демократии и свободы, попросту заманивали к себе массы людей из различных стран и континентов, что в итоге и привело к созданию многонационального государства, с различными культурами и привнесенными традициями.

Для каждого из государств является большим достижением тот факт, что на данный момент все представители различных народов, проживающих на территории данных государств, способны жить в мире и не чувствовать себя чужими или обделенными в сравнении с представителями других народов. Сравнивать по абсолютно всем политическим и культурным критериям данные государства видится не совсем целесообразным, поскольку кажется не существенным поиск причин, а на их основании сходств либо различий в таких традициях как, например, особая дата проведения выборов президента США и обоснованность начала каждого заседания нижней палаты парламента в Англии с молитвы. Это является единичными и неповторимыми традициями и особенностями этих стран, что, по сути, и является отличительной чертой одного государства от другого [Сатинова В.М., 1997, с. 255].

Исходя из эталона, выбранного для данной работы - демократия, можно вывести следующее заключение. США и Англия, несомненно, являются демократичными государствами. Их культурные и политические традиции не являются антиподами и не противоречат основным постулатам демократического государства. В Англии нет писаной Конституции, в которой были бы закреплены основные положения прав и свобод граждан, но существует большое количество иных правовых актов, регламентирующих данные положения, точно так же и Конституция США, которая из-за своего маленького объема, казалось бы не способна содержать все принципы, рекомендуемые ООН, но и здесь помимо основного закона страны существует огромное количество поправок к ней, регламентирующих большое количество положений. Для сравнения с эталоном в качестве критерия были выбраны Конституции этих стран не случайно, поскольку в современном мире именно

по ней судят о развитости демократии в том или ином государстве. Помимо всего прочего, так же не стоит забывать, что и сам термин демократия является достаточно неопределенным. В каждой отдельной стране, учитывая её историческое прошлое, её традиции, обычаи и исторический момент понятие демократии может меняться. Исходя из такого понимания вещей, сказать с уверенностью, что США и Англия являются демократиями в чистом виде нельзя, но в то же время отрицать данный факт будет неправильно. Поэтому видится правильным исходить из принципа, что ничего совершенного в мире нет, то же понятие демократии не раз будет переосмыслено и доработано, поэтому объективно будет определить США и Англию как государства, достигшие существенных успехов на пути построения демократического общества, но все еще идущие по нему.

Весьма красноречивы в этом плане и данные аналитически обработанных опросов общественного мнения по обе стороны Атлантики, выявившие признаки некоторых прогрессирующих различий в менталитете населения Нового и Старого Света. Так, например, в подавляющем своём большинстве американцы якобы с большей неохотой принимают участие в общенациональных голосованиях, нежели европейцы и британцы в частности, но с особым энтузиазмом «окунаются» в «местную политику». В то время как около половины американцев регулярно посещают церковь, только 14 процентов британцев хотя бы раз делают то же самое, что даже больше, чем в таких известных религиозным рвением европейских странах, как Ирландия и Польша. Вскрыты существенные различия и по другим направлениям формирования национального характера, привычек, отношений к семейным ценностям и прочее.

И всё же в настоящее время ни британские, ни американские политологи не склонны преувеличивать «британский негативизм» по отношению к США. И даже, наоборот, тот же Джон Дамбрелл констатирует фундаментальный и основополагающий для развития взаимоотношений факт начавшейся с 80-х

годов прошлого века конвергенции моделей капитализма в США и Великобритании, отличающихся гибкими рынками труда и всё меньшим государственным вмешательством в экономику обеих стран. И в той, и в другой стране всё большая часть населения отождествляет себя со «средним классом», нежели с работниками наёмного труда. Эти и другие серьёзные сдвиги, подкреплённые экономической целесообразностью и неминуемо отражающиеся в сознании, не могут не сказываться и на аналогичном восприятии окружающей действительности. Приведём такой пример из одного популярного по обе стороны Атлантики исследования, посвящённого англо-американским отношениям. В нём, в частности, подчёркивается: «Типичный день среднего британца обычно начинается с поглощения американской пищи типа корнфлекса, произведённого «Нобиско» или «Келлос», запиваемого чашкой кофе «Максвелл-Хаус» или стаканом апельсинового сока, изготовленного во Флориде. Британец скорее всего наденет джинсы американских фирм «Ранглер» либо «Леви-Страусс». Да и семейный автомобиль британца обычно американский - «Воксхолл» или «Форд»; и даже бензин он заливает в бак одного из трёх американских гигантов - «Эссо», «Мобил» или «Тексако».

В заключение, возвращаясь к «особости» в отношениях Вашингтона и Лондона, хотелось бы констатировать следующее. И США, и Великобритания в настоящее время представляют собой две мощные державы, исторически, культурно, в военно-политическом отношении тесно связанные между собой. Несмотря на разный «вес» в политике, особенно с утратой Лондоном былого «имперского» влияния и соответствующего статуса, нельзя не подчеркнуть тот факт, что Британия никогда не «теряла лица» и не опускалась до уровня «клиента» и тем более «вассала» своего ныне более могущественного союзника. История распорядилась таким образом, что эти два далеко не равноценных прежде всего по военному потенциалу англосаксонских государства обречены на беспрецедентно тесное взаимодействие и

сотрудничество на международной арене, что должно восприниматься как непреложный «факт действительности» и учитываться при формировании внешнеполитического курса любым субъектом международных отношений.

Весьма красноречивы в этом плане и данные аналитически обработанных опросов общественного мнения по обе стороны Атлантики, выявившие признаки некоторых прогрессирующих различий в менталитете населения Нового и Старого Света. Так, например, в подавляющем своём большинстве американцы якобы с большей неохотой принимают участие в общенациональных голосованиях, нежели европейцы и британцы в частности, но с особым энтузиазмом «окунаются» в «местную политику». В то время как около половины американцев регулярно посещают церковь, только 14 процентов британцев хотя бы раз делают то же самое, что даже больше, чем в таких известных религиозным рвением европейских странах, как Ирландия и Польша. Вскрыты существенные различия и по другим направлениям формирования национального характера, привычек, отношений к семейным ценностям и прочее.

И всё же в настоящее время ни британские, ни американские политологи не склонны преувеличивать «британский негативизм» по отношению к США. И даже, наоборот, тот же Джон Дамбрелл констатирует фундаментальный и основополагающий для развития взаимоотношений факт начавшейся с 80-х годов прошлого века конвергенции моделей капитализма в США и Великобритании, отличающихся гибкими рынками труда и всё меньшим государственным вмешательством в экономику обеих стран. И в той, и в другой стране всё большая часть населения отождествляет себя со «средним классом», нежели с работниками наёмного труда. Эти и другие серьёзные сдвиги, подкреплённые экономической целесообразностью и неминуемо отражающиеся в сознании, не могут не сказываться и на аналогичном восприятии окружающей действительности. Приведём такой пример из одного популярного по обе стороны Атлантики исследования, посвящённого

англо-американским отношениям. В нём, в частности, подчёркивается: «Типичный день среднего британца обычно начинается с поглощения американской пищи типа корнфлекса, произведённого «Нобиско» или «Келлос», запиваемого чашкой кофе «Максвелл-Хаус» или стаканом апельсинового сока, изготовленного во Флориде. Британец скорее всего наденет джинсы американских фирм «Ранглер» либо «Леви-Страусс». Да и семейный автомобиль британца обычно американский - «Воксхолл» или «Форд»; и даже бензин он заливает в бак одного из трёх американских гигантов - «Эссо», «Мобил» или «Тексако».

В выводе, возвращаясь к «особости» в отношениях Вашингтона и Лондона, хотелось бы констатировать следующее. И США, и Великобритания в настоящее время представляют собой две мощные державы, исторически, культурно, в военно-политическом отношении тесно связанные между собой. Несмотря на разный «вес» в политике, особенно с утратой Лондоном былого «имперского» влияния и соответствующего статуса, нельзя не подчеркнуть тот факт, что Британия никогда не «теряла лица» и не опускалась до уровня «клиента» и тем более «вассала» своего ныне могущественного союзника. История распорядилась таким образом, что эти два далеко не равноценных прежде всего по военному потенциалу англосаксонских государства обречены на беспрецедентно тесное взаимодействие и сотрудничество на международной арене, что должно восприниматься как непреложный «факт действительности» и учитываться при формировании внешнеполитического курса любым субъектом международных отношений.

2.2 Взаимодействие США и Великобритании в однополярной модели МО

С целью облегчения осуществления контроля за американским тактическим ядерным оружием еще между двумя государствами было достигнуто так называемое "Соглашение Хейдельберга" или, как оно

неофициально называлось, "соглашение двойного ключа". Однако, несмотря на "беспрецедентные" сближения курсов обеих стран, как, например, в эпоху "Рейгана - Тэтчер", проблема британского контроля над американским ЯО в Британии периодически всплывает в средствах массовой информации.

Окончание "холодной войны" и, как следствие, значительное снижение ядерной угрозы заставило руководство двух стран обратиться к своим ядерным арсеналам с точки зрения их "упорядочивания" для "экономии средств". Попытки британских консерваторов в начале 90-х годов, направленные на сокращение ядерных вооружений, были развиты их преемниками-лейбористами, которые в опубликованном в 1998 году "Обзоре стратегической обороны" предложили план уменьшения ядерных арсеналов, и в частности сокращения боевых головных частей "с 300 до менее чем 200". Тогда же был поставлен вопрос об определении дальнейшего пути развития национальных ядерных сил [Сорокин П. А., 2006, с.1176].

После многолетних дискуссий и аналитических проработок к началу 2000-х годов было выдвинуто несколько вариантов развития ядерного потенциала Соединенного Королевства. Британский кабинет, возглавляемый лидером лейбористов Т. Блэром, в декабре 2006 года принял решение о замене ракетной системы "Трайдент" в качестве единственного национального средства "стратегического ядерного сдерживания" [Родригес А.М., 2010, с. 512]. Выступая в парламенте, премьер страны подчеркнул, что "было бы неразумно и даже опасно для Британии отказываться от ядерного оружия как такового". Он предложил парламентариям план, предусматривавший выделение в течение ближайших лет порядка 20 млрд долларов на полное обновление носителей ЯО - подводных лодок. При этом Блэр подчеркнул, что не исключается вариант их сокращения с четырех до трех, а количество боеголовок на оснащенных ими ракетах можно уменьшить на 20 проц. - до порядка 160 единиц. В марте 2007 года британским парламентом был одобрен

курс на "поддержание минимального ядерного сдерживания, основанного на существующих ракетных системах "Трайидент".

Более детальный план обновления ядерного потенциала Великобритании был обнародован осенью 2010 года в "Обзоре стратегической обороны и безопасности". В специальном разделе документа, озаглавленном "Сдерживание", содержатся конкретные направления модернизации стратегического ядерного потенциала страны. В частности, рассматривается возможность сокращения количества боеголовок на ракетах каждой подводной лодки с 48 до 40. По расчетам британских специалистов, решение вопроса о замене боеголовок на боевые части принципиально новой конструкции откладывается по крайней мере до начала 2030-х годов [Тарабанова Т.А., Россия и Запад: диалог культур, 2013, режим доступа: <http://www.regionalstudies.ru/iournal/homejournal/> (дата обращения 12.04.16)].

Одновременно уточняется, что в результате пересмотра ресурса состоящих на вооружении ПЛАРБ "Вэнгард" представляется возможность продления срока их службы при дополнительных вложениях на обслуживание до конца 2020-х или даже начала 2030-х годов. Это, однако, не отменяет принятое ранее решение о создании подводных лодок нового поколения, первая из которых ориентировочно должна вступить в строй в районе 2028 года [Романенко, В. Менталитет и религия [В. Романенко, Никитина Электронный научный семинар Междисциплинарное культурно-просветительское и научное общение, режим доступа: <http://www.elektron2000.com/romannikit0247.html> (дата обращения: 21.04.16)].

Параллельно будет проведен тщательный анализ проблемы "достаточности для сдерживания всего лишь трех субмарин вместо ныне существующих четырех". Этот вопрос должен быть решен якобы до 2016 года. Одновременно не исключается, что, как было заявлено главой предыдущего правительства Т. Блэром, будет уменьшено количество пусковых установок на перспективных подлодках до восьми вместо 16, как в настоящее время на

ПЛАРБ класса "Вэнгард". В документе подчеркивается, что эта важная проблема, затрагивающая конструкцию перспективных субмарин, будет решаться совместно с США [Пинягин Ю.Н., 1996, с. 296].

За минувший со времени опубликования "Стратегического обзора" год британцы заметно продвинулись в реализации планов конструирования новых ПЛАРБ. Так, в СМИ отмечается факт реализации страной совместного с США проекта создания нового ракетного отсека для перспективных субмарин [Берман Г., 1994, с. 116]. При этом если для американских ПЛАРБ предусмотрены четыре модуля по четыре модернизированных БРПЛ "Трайидент-2", то для британских лодок - три модуля по четыре ракеты. Однако на конец 2011 года якобы не был окончательно решен вопрос о некоторых других параметрах как перспективных американских, так и британских подлодок, включая, например, длину корпуса.

В мае 2012 года в открытой прессе появилась информация о том, что МО Великобритании заключило с компаниями "БАэ системз", "Бэбкок" и "Роллс-Ройс" контракты общей стоимостью 350 млн фунтов стерлингов на разработку ПЛАРБ нового поколения, первая из которых получила наименование "Саксессор". Основной контракт достался "БАэ системз" (328 млн фунтов), "Бэбкок", участвующая в разработке вспомогательного оборудования, получит 15 млн, а "Роллс-Ройс", которой поручена разработка ядерного реактора, - 4 млн фунтов стерлингов. Эксплуатация подлодок данного типа рассчитана по меньшей мере до 2060-х годов.

Параллельно с реализацией планов по созданию новых носителей ЯО британское руководство, как и предписано опубликованным в октябре 2010 года "Стратегическим обзором", вплотную занялось совершенствованием ядерных боезарядов. По данным СМИ, министерство обороны Великобритании уже вложило 3 млрд долларов в создание новых мощностей по производству перспективного ядерного оружия, в частности в городах Олдерма-стон и Бергфилд [Васильев К.М., 2008, с. 128].

Необходимо подчеркнуть еще один аспект из области двустороннего сотрудничества в области "военного атома" на современном этапе. Дело в том, что так называемая помощь из-за океана в модернизации ядерного потенциала Великобритании является прямым нарушением Вашингтоном подписанного Договора о СНВ, который вступил в силу 5 февраля 2011 года.

Например, в соответствии со ст. 13 Договора США и РФ не имеют права передавать третьей стороне стратегические наступательные вооружения. "Настоящее положение не распространяется на какую бы то ни было существующую на момент подписания Договора практику сотрудничества, включая обязательства в области СНВ между одной из сторон и третьим государством" [Голицынский Ю.Б., 2004, с. 480].

Вышеупомянутая практика сотрудничества двух стран заключается только в приеме-передаче ракет, что подтверждается специальным согласованным заявлением от 1991 года, которое американцами, при "естественном молчании" Лондона, постоянно нарушалось в рамках предыдущего Договора о СНВ-1, поскольку сотрудничество этих государств не ограничивалось только приемом-передачей ракет [Мальков В.П., 1988, с.244]. Кроме того, постоянно замалчивается нарушение военно-политическим руководством США и Великобритании режима контроля за ракетными технологиями. Теперь уже никто и не скрывает, что боевое применение британских ядерных сил предусмотрено во взаимодействии со стратегическими наступательными силами США - они включены в американскую систему ядерного планирования, что также по существу противоречит достигнутым соглашениям с Россией.

Вашингтон, взяв курс на более "плотное" вовлечение союзников в реализацию "стратегии сдерживания", стал активно поощрять Лондон в реализации политики сотрудничества с Парижем в ядерной области, тем более что Франция при президенте Н. Саркози "полностью вернулась" в военную организацию НАТО. В ноябре 2010 года Великобритания и Франция

заключили так называемое историческое соглашение о взаимодействии в военной области [Национальный Интернет-портал Российской Федерации Нац. Центр правовой информ. РФ, 2004, режим доступа: <http://lawers-ssu.narod.ru>. (дата обращения: 23.04.16)].

Применительно к ЯО этот документ предусматривает совместную работу по поддержанию ядерных арсеналов в боеготовом состоянии и создание до 2015 года двух взаимосвязанных исследовательских центров - на базе действующего британского ядерного комплекса в г. Олдермастон и во французском городе Вальдюк. Помимо этого, Лондон и Париж планируют разрабатывать технологии для атомных подводных лодок. В повестку дня поставлен и вопрос о ротационном патрулировании ПЛАРБ обеих стран, естественно, согласованный с Вашингтоном [Осипенко О.В. , 2001, с. 208].

Таким образом, на протяжении многих десятилетий отмечается целенаправленная, устойчивая и прочная система сотрудничества двух основных англо-саксонских государств - США и Великобритании - в области "военного атома". И стержнем "особых отношений" Вашингтона и Лондона является тесная, зачастую взаимодополняющая совместная работа над созданием и совершенствованием ядерного потенциала обоих государств.

Великобритания, с момента вхождения в НАТО играет одну из самых активных ролей в Североатлантическом союзе, при этом всячески поддерживая позицию США в этом альянсе. В свое время, желая повысить свой вес среди европейских государств, Лондон дал согласие на размещение на территории Великобритании американских крылатых ракет, военных баз и военных складов, в том числе и для ядерного оружия. В тоже время, являясь одной из трех ядерных держав альянса (наряду с США и Францией), Великобритания имеет важнейшее значение в планах по сдерживанию агрессивных устремлений против НАТО. Несмотря на то, что ядерные силы Великобритании готовы выполнять совместные задачи в рамках коллективной обороны, они всегда находятся под национальным командованием.

Лондон является одним из крупнейших финансовых вкладчиков в гражданский и военный бюджет этой организации. Подразделения вооруженных сил Великобритании принимали и принимают участие в военных учениях и операциях, проводимых под эгидой НАТО. Так, вооруженные силы этой страны активно привлекались к операциям НАТО в Косово, Боснии, Афганистане и Ираке. Самолеты ВВС и ВМС Великобритании играли важную роль в обеспечении натовских войск воздушной разведкой и прикрытием с воздуха в операциях в Ираке и Афганистане. Они также использовались для нанесения ударов по позициям правительственных войск Каддафи в Ливии. Английские самолеты системы раннего предупреждения «АВАКС» выполняют четверть всех задач, возложенных на воздушный флот НАТО в этой области.

О большом влиянии Лондона на принятие решений внутри НАТО свидетельствует тот факт, что значительная часть штата гражданских и военных структурных подразделений состоит из британцев, а представитель Великобритании Лорд Робертсон Порт-Элленский с 1999 по 2003 года занимал пост генерального секретаря альянса.

Вооруженные силы Великобритании (которые официально именуются как Вооруженные силы ее Величества) являются одними из самых боеспособных армий мира, вооруженных самой современной техникой. Они играют ключевую роль в системе совместной обороны НАТО и в проведении миротворческих операций этого блока.

В тоже время, в последнее время, в связи с мировым финансовым кризисом, руководство этой страны рассматривает планы по сокращению военных расходов и уменьшению численности регулярной армии. В соответствии с новыми оборонным бюджетом и планами по реформированию вооруженных сил этой страны, планируется до 2014 года сократить финансирование министерства обороны на 7,5%. В фактическом выражении, расходы военного ведомства упадут на 4,3 млрд фунтов стерлингов. В тоже

время затраты на содержание персонала Минобороны должны будут снижены на 33%, а количество войск уменьшится на 16%. Если сейчас численность регулярных войск британской армии составляет 100 тысяч человек, то к 2020 году она упадет до 84 тысяч.

Параллельно с сокращением войск, Лондон намерен создать такую военную структуру страны, которая будет оптимально соответствовать требованиям отражения угроз национальной безопасности Англии. Лондон также рассматривает возможность пересмотра нынешней структуры «ядерного щита» страны. Так, в ходе дебатов по сокращению расходов на программу по «ядерному сдерживанию», предлагается отказаться от приобретения дорогостоящих подводных лодок, способных нести ядерное оружие, в пользу более дешевых крылатых ракет воздушного базирования. Несмотря на сокращение военного бюджета Великобритании по-прежнему будет занимать четвертое место в мире (после США, Китая и Франции) по оборонному бюджету, и соблюдать требование НАТО о поддержании расходов на оборону не менее 2% от ВВП страны.

Выводом данного параграфа может служить то, что Великобритания, с момента вхождения в НАТО играет одну из самых активных ролей в Североатлантическом союзе, при этом всячески поддерживая позицию США в этом альянсе. В свое время, желая повысить свой вес среди европейских государств, Лондон дал согласие на размещение на территории Великобритании американских крылатых ракет, военных баз и военных складов, в том числе и для ядерного оружия.

2.3. Англосаксонское сотрудничество в 2016-2026 гг.:

ситуационный анализ

Если первоначально взаимоотношения Великобритании и США были сугубо конкурентные (Англия долго не могла смириться с потерей колоний),

то уже в начале девятнадцатого века наметился процесс американо-британского сближения. Процесс переориентации внешнеполитической доктрины США от изоляционистского курса к участию в мировых делах нашёл отражение именно в американо-британских отношениях. Концептуальные положения, обосновывающие это сближение, были сформулированы уже в конце XIX - начале XX вв., реальные же политические шаги в этом направлении были предприняты в период первой мировой войны. С тех пор США и Великобритания на мировой политической арене, как правило, выступают как союзники. У. Черчилль определил отношения Штатов и Великобритании как «особые отношения» (specialrelationship) и с тех пор это определение переключивается из одной работы в другую.

По мнению политологов, правительство Тони Блэра проводило «обслуживающую политику» по отношению к США. Великобритания поддерживала США при вторжении в Ирак и Афганистан. Накануне визита Дж. Буша в Европу в 2002 г. Тони Блэр заявил, что Великобритания готова продолжать «оставаться посредником» между Европой и США. С другой стороны, Барак Обама так оценил отношения между США и Великобританией: «Великобритания является исключительным партнером для Америки и силой добра в изменчивом мире».

Но многие авторы полагают, что в отношениях двух стран все обстоит гораздо сложнее. А.В. Кузнецов пишет, что Британия «до сих пор не может смириться с фактом утраты крупнейших североамериканских колоний. Но британские политтехнологи в совершенстве овладели искусством манипулирования амбициями США на пользу британских интересов... Английские политики не упускают случая принизить собственное достоинство только для того, чтобы лишний раз поощрить тщеславие американцев». То есть, по мнению Кузнецова, Англия просто искусно манипулирует Штатами. То есть «Британия не «потеряла» США, а лишь поменяла свою стратегию глобальной экспансии. Укрывшись в тылу мировой

геополитики, Британия сохранила за собой функцию «мозгового центра» и «сердца» мира».

Отношения США и Англии обострились в связи с заявлением Лондона о намерении выйти из ЕС. В связи с этим Барак Обама заявил, что новые торговые соглашения между США и Англией будут заключены не ранее, чем через 5-10 лет .

В связи с этим в настоящее время разрабатываются три сценария возможного развития отношений между Соединенными Штатами и Великобританией.

1. Ухудшение взаимодействия.

США хотят усиления влияния Великобритании, в том числе и влияния на европейские страны, то есть США пытается использовать Британию как проводник своих интересов, что вызывает недовольство и в материковой Европе и в самой Англии. Как следствие - отношения двух стран ухудшаются. Лидер партии тори Лиэм Фокс уже заявил, что мнение президента США не имеет значения, поскольку Обама скоро все равно покинет Белый дом . Референдум по вопросу членства Англии в ЕС пройдет в июне 2016 г. Если Англия откажется подписывать торговое соглашение в рамках ЕС и выйдет из ЕС, то, естественно, отношения с США, ей придется строить на какой-то новой основе. Если Великобритания покидает ЕС, то аналогичное соглашение ей надо будет заключать с США целый пакет документов. В случае возможного выхода Великобритании из ЕС, переговоры Лондона с Нью-Йорком по торговому договору могут занять до 10 лет. Это может нанести существенный вред британской экономике. «Если Великобритания выйдет из ЕС, то она окажется в хвосте очереди в том, что касается заключения торговых сделок с США», - сказал Обама в ходе своего двухдневного визита в Соединенное Королевство.

Впрочем, данный сценарий представляется маловероятным. Англия достаточно давно и успешно пребывает мировой политической арене и манипулирует своими союзниками, чтобы оказаться в явном проигрыше.

Так же на ухудшение взаимодействий может повлиять и то, что США могут начать военные действия, а Великобритания их извечный союзник откажется в этот раз предоставить им свою поддержку.

2. Усиление взаимодействия.

Сценарий резкого «потепления» отношений между Штатами и Англией никем из аналитиков серьезно не рассматривается. Конечно, можно прогнозировать такое потепление за счет усиления «общего врага» - России. Можно также предположить, что выход Британии из ЕС позволит избежать стране негативных явлений, связанных с кризисом внутри ЕС и строить отношения с Америкой на выгонных для нее основаниях, без оглядок на европейскую политику. К тому же ухудшение отношений официального Лондона с администрацией Обамы ни о чем не говорит. Обама, действительно, уже «отыгранная» фигура, поэтому негативная риторика из уст английских политиков, возможно, только улучшит их отношения с приемником Барака Обамы.

Все это никак не ухудшит, а может и улучшит отношения Великобритании и США. К тому же в Англии существуют сторонники необходимости ориентации развития британской экономики на США. Британская экономика и бизнес циклы уникальны и отличаются от европейских, они больше совпадают с американскими, и в ряде сфер связи Великобритании с Соединенными Штатами на настоящий момент остаются более тесными.

Выйдя из ЕвроСоюза, Великобритания избежит проблем с ценами на сельхозпродукцию и мигрантами. Кроме того, выйдя из ЕС, страна освобождается от необходимости выплачивать взносы в бюджет ЕС, от законов трудового права ЕС. Новый торговый договор не между ЕС (включая

Англию) и США, а между Англией и США, возможно, окажется для Великобритании более выгодным, так как будет учитывать только ее национальные интересы, а не всех членов ЕС. То есть отношения между Англией и США сохранятся, но будут строиться на новой основе. При этом какого-то качественного их скачка в сторону улучшения не произойдет.

Поэтому сценарий резкого улучшения отношения между Штатами и Англией представляется крайне утопическим.

3. Нейтральный сценарий.

Более вероятным представляется нейтральный сценарий. Лондон полезен для Белого Дома и наоборот. Политики обеих стран прекрасно понимают эту ситуацию. При этом каждая из сторон может считать, что она успешно манипулирует другой. Если та или другая сторона сочтет, что особой выгоды в сотрудничестве на данный момент нет – отношения будут ухудшаться. При появлении такой выгоды Англией и США они будут улучшаться. К тому же принимая во внимание многочисленные общие ценности и интересы, которые являются мощным связующим звеном Великобритании и Соединенных Штатов, а также тесные межличностные контакты, объединяющие официальных лиц обоих государств на самом высоком политическом и экономическом уровнях, вряд ли в ближайшее время можно будет всерьез говорить о разрыве британо-американских отношений. Английский язык, который является родным для лидеров обоих государств, также играет важную роль в укреплении тесных межличностных контактов, которые, в свою очередь, способствуют укреплению межгосударственного сотрудничества.

К тому же сама специфика международных отношений такова, что никто не может быть полностью уверен в скорости или направлении, в котором будут развиваться политические отношения любых стран. И поэтому следует уделять особое внимание тем факторам, которые являются более или менее стабильными и на основе которых можно строить политику поддержки

основных прав и свобод, а также политику безопасности. Именно таким фактором, по мнению многих британских экспертов и официальных лиц, продолжает являться для Соединенного королевства его заокеанский партнер.

Вся история политических взаимоотношений США и Великобритании свидетельствует об этом. Отношения Великобритании и США в XX и XXI вв.- это редкий пример того, как две мощные державы соревнуются в силе, не прибегая к военным действиям. Исследователями было отмечено, что с начала XX века ни одна оборонная стратегия британского правительства не рассматривала возможности ведения войны с Соединенными Штатами .

К тому же Великобритания и США являются друг для друга крупнейшими инвесторами, и естественно разрыв отношений крайне не выгоден обеим странам. Оба государства - традиционные союзники, в рамках Трансатлантического альянса, и в операциях, проводимых вне Европейского пространства.

Скорее всего, охлаждение между традиционными союзниками - просто один из этапов неоднозначного развития «особых отношений».

Заключение

Процессы происходящие сегодня на мировой арене никого не оставляют равнодушными. Бурное развитие информационных технологий в мире, а так же политические, экономические и социальные изменения, происходящие последние два десятилетия в мире сопровождаются активными дебатами.

Современная система международных отношений переживает период своей глубочайшей трансформации. Стоит отметить, что одним из процессов, проявляющихся и подающих определенные импульсы мировому сообществу, в последнее время является процесс смены традиционных полюсов мировой политики. Современная динамика международных отношений связана с нежеланием одних потерять свое место на “политическом олимпе” и желанием других любыми способами и средствами закрепить свое положение и завоевать и развить успех в роли крупного игрока на международной арене.

После развала Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений в современном мире начался процесс глобализации. Глобализация мира привела к тому, что началось нарастание между бедными и богатыми, повышение роли силы, повышения уровня глобальной нестабильности, усиление борьбы за ресурсы планеты а так же осложнение структуры системы международных отношений. Из всего этого можно сделать вывод, что процессы происходящие в мире с конца XX по начало XXI века весьма противоречивы ведь они несут как положительные факторы так и отрицательные.

Великобритания достигает своих целей там, где другие страны равного калибра терпят неудачу, «ударить сильнее своих возможностей» — вот принцип, который с успехом реализует Англия. Лондону удалось свести к минимуму негативные последствия распада Британской империи, с наименьшими потерями отступить с прежних позиций в системе международных отношений. Британия сохранила высокий международный

статус, опираясь не только на реальные рычаги влияния в мире, но и на атрибуты великой державы. Британия уверена, что несмотря на потерю статуса империи, она продолжает оставаться «осевой державой». Она продемонстрировала искусство игры такими козырями, как «особые отношения» с США, место постоянного члена в Совете Безопасности ООН, ядерный потенциал, различные формы «мягкого» давления и влияния на бывших подконтрольных территориях.

Рассматривается так же тот факт, что после краха Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений США стали главной сверхдержавой в мировом сообществе. В результате, можно ожидать, что в дальнейшем Вашингтон будет все менее склонен считаться и консультироваться со своими союзниками при принятии решений о проведении каких-либо акций, включая военные, в разных регионах планеты для подкрепления своих претензий на глобальное лидерство. Подобная линия поведения наглядно проявилась, например, в случае с Ираком, когда США принимали решения единолично, не считаясь даже со странами альянса, при этом заручившись широкой поддержкой лишь со стороны Англии.

Если возвращаться к «особости» в отношениях Вашингтона и Лондона, хотелось бы констатировать следующее. И США, и Великобритания в настоящее время представляют собой две мощные державы, исторически, культурно, в военно-политическом отношении тесно связанные между собой. Несмотря на разный «вес» в политике, особенно с утратой Лондоном бывшего «имперского» влияния и соответствующего статуса, нельзя не подчеркнуть тот факт, что Британия никогда не «теряла лица» и не опускалась до уровня «клиента» и тем более «вассала» своего ныне могущественного союзника. История распорядилась таким образом, что эти два далеко не равноценных прежде всего по военному потенциалу англосаксонских государства обречены на беспрецедентно тесное взаимодействие и сотрудничество на международной арене, что должно восприниматься как непреложный «факт

действительности» и учитываться при формировании внешнеполитического курса любым субъектом международных отношений.

Рассматривая англо-саксонское сотрудничество в 2015-2025 годах можно говорить о том что первоначально взаимоотношения Великобритании и соединенных штатов были сугубо конкурентные (Англия долго не могла смириться с потерей колоний), то уже в начале девятнадцатого века наметился процесс американо-британского сближения. Процесс переориентации внешнеполитической доктрины США от изоляционистского курса к участию в мировых делах нашёл отражение именно в американо-британских отношениях. Рассматривается три версии развития этих отношений.

Помимо всего прочего, так же не стоит забывать, что и сам термин демократия является достаточно неопределенным. В каждой отдельной стране, учитывая её историческое прошлое, её традиции, обычаи и исторический момент понятие демократии может меняться. Исходя из такого понимания вещей, сказать с уверенностью, что США и Англия являются демократиями в чистом виде нельзя, но в то же время отрицать данный факт будет неправильно. Поэтому видится правильным исходить из принципа, что ничего совершенного в мире нет, то же понятие демократии не раз будет переосмыслено и доработано, поэтому объективно будет определить США и Англию как государства, достигшие существенных успехов на пути построения демократического общества, но все еще идущие по нему.

В заключении можно сказать, что оба эти государства имеют большой вес на мировой арене и их очень много связывает. Просчитанные варианты в ситуационном анализе показывают, что взаимодействие данных стран на долгие годы предрешено будь то положительно либо отрицательное.

Список используемых источников и литературы

Источники:

1. Всеобщая история / С. В. Новиков, А. С. Манькин, О. В. Дмитриева, М., 2012. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook834/01/part-007.htm> (дата обращения 27.01.16)

2. История Европы / Под общей редакцией Ж. Карпатые и Ф. Лебрена, перевод с фр. языка под редакцией М. Ю. Некрасова, СПб., 2010 URL: <http://www.twirpx.com/file/226912/> (дата обращения 26.01.16)

3. Тегеран — Ялта — Потсдам: Сборник документов / Сост.: Ш. П. Санакоев, Б. Л. Цыбулевский, М., 1970. URL: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=5081012> (дата обращения 27.01.16)

4. Тарабанова. А. Влияние истории и религии на формирование деловой культуры и национального характера русских Т А. Тарабанова/Россия и Запад: диалог культур. -2013. URL: <http://www.regionalstudies.ru/iournal/homejournal/> (дата обращения 12.04.16)

5. Романенко, В. Менталитет и религия. В. Романенко, Никитина
Электронный научный семинар Междисциплинарное культурно-просветительское и научное общение URL: <http://www.elektron2000.com/romannikit0247.html> (дата обращения: 21.04.16)

6. **Нац. Центр правовой информ. РФ**. - Самара, 2004. URL: <http://lawers-ssu.narod.ru>. (дата обращения: 23.04.16)

Литература:

7. Введение в теорию **международных отношений: Учебное пособие / Отв. редактор А.С. Манькин. — М.: Изд-во МГУ, 2001 (Труды исторического факультета МГУ: Вып. 17. Сер. III. Instrumenta studiorum).**

8. Романова Е.В. Путь к войне: развитие англо-германского конфликта, 1898-1914 гг. - М.: МАКС Пресс, 2008. - 328 с.
9. Бартенев В.И. "Ливийская проблема" в международных отношениях. 1969-2008. М., УРСС, 2009. - 448 с.
10. Медяков А. С. История международных отношений в Новое время. — М. Просвещение, 2007. — 463 с.
11. Конфликты и кризисы в международных отношениях: проблемы теории и истории: Материалы ассоциации изучения США / Проблемы американистики Вып. 11 Отв. редактор. А.С.Манькин. - М.: МАКС Пресс, 2001.
12. Горохов В.Н. История международных отношений. 1918-1939: Курс лекций. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. — 288 с.
13. Конфликты и кризисы в международных отношениях: проблемы теории и истории: Материалы ассоциации изучения США / Проблемы американистики Вып. 11 Отв. редактор. А.С.Манькин. - М.: МАКС Пресс, 2001.
14. Основы общей теории международных отношений: Учебное пособие / Под ред. А.С. Манькина. — М.: Изд-во МГУ, 2009. - 592 с.
15. Модели региональной интеграции: прошлое и настоящее. Под редакцией А.С. Манькина. Учебное пособие. М., Ол Би Принт. 2010. 628 с.
16. Модели региональной интеграции: прошлое и настоящее. Под редакцией А.С. Манькина. Учебное пособие. М., Ол Би Принт. 2010. 628 с.
17. Солодовников, М.А. Новейшая история США / М.А. Солодовников. - М.:Наука, 1999. - 230 с.
18. Родригес, А.М. История стран запада в новейшее время / А.М. Родригес. - Москва: Проспект, 2010. - 512 с. (дата обращения: 15.04.16)
19. Согрин, В.В. Политическая история США XVII-XX вв. / В.В. Согрин. - Москва: Весь мир, 2001. - 234 с.

20. Современные соединенные штаты Америки / Н.И. Асоян; под общ. ред. Н.И. Асоян. - Москва: Политиздат, 1988. - 542 с.
21. Сатинова, В.М. Читаем и говорим о Британии и британцах / В.М. Сатинова. - Мн.: Высш. шк., 1997. - 255 с.
22. Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика П. А. Сорок М.: Астрель. 2006-1176 с.
23. Сорокин, П.А. человек. цивилизация. Общество П.А.Сорокин:общ. ред. сост, и пред. А. Ю. Сокомонов: пер. с англ. С. А. Сидоренко. -М.: Политиздат, 1992.-543 с.
24. Пинягин, Ю.Н. Великобритания: история, культура, образ жизни / Ю.Н. Пинягин. - Пермь: Пермь, 1996. - 296 с.
25. Берман, Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Г. Дж. Берман. - Москва: Наука, 1994. - 116 с.
26. Васильев, К.М. История Великобритании: самое необходимое / К.М. Васильев. - Москва: Авалон, 2008. - 128 с.
27. Голицынский, Ю.Б. Великобритания / Ю.Б. Голицынский. - СПб.: Каро, 2004. - 480 с.
28. Мальков, В.П. История Англии / В.П. Мальков. - Москва: прогресс, 1988. - 224 с.
29. Осипенко, О.В. Массовая культура США и ее влияние на страны Западной Европы в последней трети XX столетия / О.В. Осипенко. - Ставрополь: Наука, 2001. - 208 с.
30. Добровольский А. Британский премьер превратился в США в «болонку Обамы»// Коммерсант. 2010. № 12. С.6.
- Керт П. О визите Дж. Буша в Европу// Полис. 2007. № 3. С.80 – 92.
- Кузнецов А.В. функциональные роли Великобритании и США в процессах глобализации// США-Канада.2011.№1.С.90 – 112.
31. Черчилль У. Мускулы мира: [Избранные речи разных лет]. М.: ЭКСМО, 2003.

32. Nicholas H. G. The United States and Britain. // Chicago:

Приложение

Приложение 1

Название

Факторы	Основные игроки	Слабые и сильные стороны	Возможности	Последствия реализации
<ul style="list-style-type: none"> • Взаимоотношения со странами мирового сообщества • Влияние ЕС • Статус на мировой арене 	Великобритания	<ul style="list-style-type: none"> • США давят на Англию отсутствием договоров на ближайшие 5-10 лет • Англия является очень сильным и влиятельным игроком на мировой арене 	<ul style="list-style-type: none"> • Возможность расширения рынков вне взаимодействий с США • Усиление влияния Англии как единицы вне ЕС 	<ul style="list-style-type: none"> • Увеличение рынков сбыта • Самостоятельная позиция на международной арене
<ul style="list-style-type: none"> • Статус на мировой арене • Взаимоотношения с Англией 	США	<ul style="list-style-type: none"> • Является одной из сверхдержав • США оказывает давление на Англию шантажирую в отказе заключения договоров на 5-10 лет 	<ul style="list-style-type: none"> • США диктует свои правила на мировой арене • Давление на Англию чтоб она отказалась от выхода из ЕС 	<ul style="list-style-type: none"> • Усиление контроля и позиций в мировом сообществе • Отказ Англии покидать ЕС